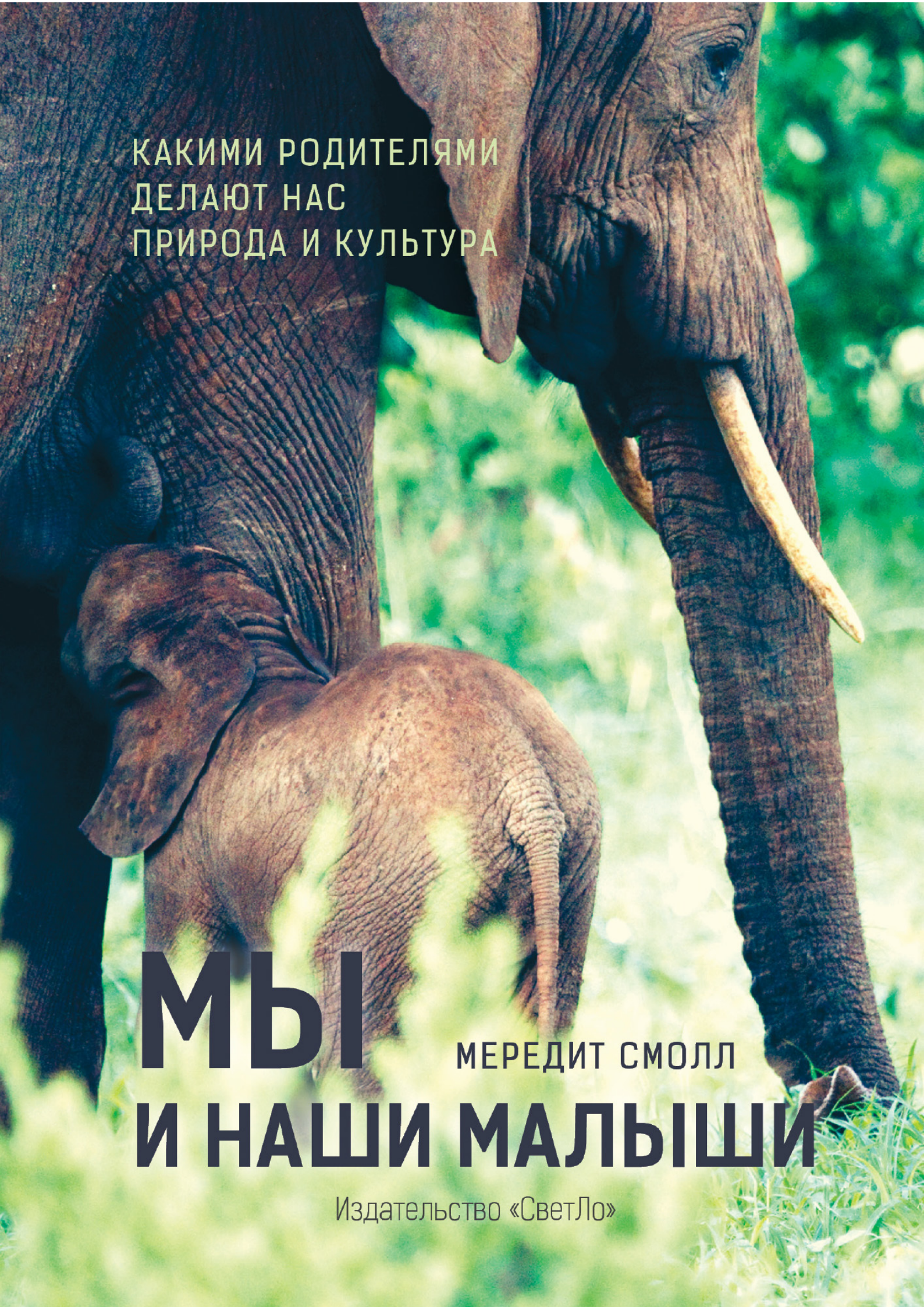

КАКИМИ РОДИТЕЛЯМИ
ДЕЛАЮТ НАС
ПРИРОДА И КУЛЬТУРА

МЫ И НАШИ МАЛЫШИ

МЕРЕДИТ СМОЛЛ

Издательство «СветЛо»

Мередит Смолл

Мы и наши малыши

«СветЛо»

1998

Смолл М. Ф.

Мы и наши малыши / М. Ф. Смолл — «СветЛо», 1998

ISBN 978-5-905392-31-3

Молодые родители сталкиваются с необходимостью принимать бесчисленные решения о том, как заботиться о своем малыше наилучшим образом, и, естественно, обращаются за советом к друзьям и родным, которые уже вырастили своих детей. Но ученые все чаще обнаруживают, что пришло время тщательно пересмотреть многие «надежные» советы, передававшиеся из поколения в поколение. Нужно ли приучать новорожденного спать в одиночестве? Почему грудное вскармливание лучше искусственного? Нужно ли давать ребенку поплакать, прежде чем взять его на руки? Действительно ли важно для здорового развития ребенка разговаривать с ним и петь ему песенки? Действительно ли стили воспитания формируют личность и характер с момента рождения? И как нам ухаживать за младенцами, которые не могут сказать о своих потребностях? Автор настоящей книги, ученый-антрополог, внимательно изучивший родительское поведение в разных культурах, задается этими важными вопросами, и ее ответы подчас оказываются не просто неожиданными, но и способными полностью изменить наши подходы к заботе о малышах.

ISBN 978-5-905392-31-3

© Смолл М. Ф., 1998

© СветЛо, 1998

Содержание

Введение	6
Глава 1	14
Строение тела у детей раннего возраста	16
Последствия зависимости младенцев	24
Материнские и отцовские инстинкты	34
Взаимозависимые отношения	40
Глава 2	45
Теории родительского поведения	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мередит Смолл
Мы и наши малыши
Какими родителями делают
нас природа и культура

Meredith F. Small

Our Babies, Ourselves

How Biology and Culture Shape the Way We Parent

© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛО»), 2016, перевод, оформление

© Мередит Франческа Смолл, 1998. Все права сохранены, включая права на полное или частичное воспроизведение в любой форме

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

Введение

Однажды зимой 1995 года в тускло освещенной комнате в городе Атланта, штат Джорджия, мне довелось присутствовать при родах. Правда, я стала свидетелем появления не свет не ребенка, а новой науки. Я приехала на конференцию Американской ассоциации содействия развитию науки и сидела на утреннем симпозиуме, посвященном новой области – «этнопедиатрии». И хотя период внутриутробного развития этого научного направления растянулся на несколько лет, сами роды прошли довольно быстро. Доктор Кэрол Уортман из Университета Эмори представила собравшейся аудитории ряд статей, подготовленных группой педиатров, специалистов по детскому развитию и антропологов, в которых говорилось об открытии нового направления исследований. Цель этой группы ученых, как объяснила доктор Уортман, заключалась в том, чтобы положить начало изучению родителей и детей в разных культурах и выяснить, как разные подходы к уходу за малышами влияют на их здоровье, благополучие и жизнестойкость. Учитывая тот факт, что мы живем в условиях постоянного роста внимания, уделяемого в Америке семейным ценностям, и в эпоху, когда человечество движется к глобализации культуры, а треть всего населения Земли составляют дети в возрасте до 15 лет, подобный подход показался мне весьма актуальным, новаторским и крайне важным.

Я, будучи антропологом, всегда интересовалась взаимодействием биологии человека и культуры, однако многое из того, о чем нам рассказывали тем утром, оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Один за другим докладчики описывали взаимоотношения ребенка и родителя в категориях, о которых я раньше никогда не задумывалась. Вместо того чтобы говорить о младенцах как о зависимых существах, нуждающихся в пище, уходе, воспитании и поощрении, эти ученые рассуждали об «эволюционном развитии», «адаптации» и «взаимозависимости» отношений детей и их родителей. Я обнаружила, что в других культурах жизнь новорожденных разительно отличается от той, что я привыкла наблюдать в Соединенных Штатах. Оказалось, что в некоторых странах малышей целыми днями носят в слинге, укладывают спать в одной кровати с родителями и зачастую с раннего детства приобщают к социальной жизни. Я с удивлением узнала, что в других культурах младенцы редко плачут и у них не бывает колик. Насколько же этот взгляд на воспитание детей отличался от того, чему учил нас доктор Спок!

Мой профессиональный интерес как антрополога особенно подстегнула мысль о том, что на протяжении миллионов лет не только взрослые, но и младенцы эволюционировали под влиянием конкретных экологических и физиологических ограничений. Ведь раньше специалисты в области эволюционной биологии интересовались главным образом взрослыми особями нашего вида, а пионеры этнопедиатрии призывали пересмотреть наш взгляд на эволюцию и задуматься о развитии представителей человеческого вида с первых месяцев их жизни. Тысячи лет тому назад матери везде носили младенцев с собой и постоянно кормили их грудью. Что же определяло необходимость такого тесного физического контакта между матерью и новорожденным? И соотносится ли хоть как-нибудь подобное поведение наших далеких предков с тем, как мы заботимся о детях в наши дни? Оказалось, что ученые, изучавшие эволюцию и историю человеческого вида, игнорировали еще одного немаловажного ее персонажа! И тогда я поняла, что просто обязана проследить за судьбой этой новорожденной науки и подробно описать все ее достижения с момента появления на свет и в период раннего развития. Итогом моих трудов стала данная книга.

Этнопедиатрия – это наука, предлагающая нам составить совершенно новое представление о детях. Это предполагает прежде всего, что мы должны взглянуть на них через призму их эволюционного развития. С помощью этнопедиатрии мы можем сопоставить материалы исследований о том, как разные культуры влияют на способы воспитания детей и ухода за ними, и

узнать, какой эффект оказывают различия в этих подходах на биологию ребенка. Но что важнее, плоды подобных исследований не ограничиваются одними только научными публикациями. Этнопедиатрия – это наука в том числе прикладная. Рассказывая представителям разных культур о том, как воспитывают детей в других обществах, как протекало эволюционное развитие младенцев нашего вида и как именно сочетается влияние биологических и культурных факторов на ребенка в младенческом возрасте, мы можем революционизировать их представления о родительстве. Родителям будет полезно расширить свой кругозор, узнав, к примеру, как реагируют на детей матери в бушменском племени кунг, почему японцы не признают даже самого понятия «трудный ребенок» или что в Голландии дети спят дольше, чем в Америке. Более того, некоторые из этих открытий имеют не просто практическую, но и жизненно важную ценность. Если ученые приходят к выводу, что ребенок, которого в течение дня держат на руках чаще и более длительное время, благодаря этому меньше плачет, подобное исследование может помочь нам в совершенствовании собственного подхода к воспитанию. Если оказывается, что в странах, где дети спят вместе с взрослыми, синдром внезапной детской смерти (СВДС) встречается реже, то это может перевернуть укоренившиеся в нашей культуре представления о том, как должен спать младенец. В определенном смысле этнопедиатрия объединяет в единое целое культуру и биологию; используемый ею подход разрушает устоявшиеся и общепринятые представления о воспитании детей и предлагает родителям новые подходы, которые могут лучше соответствовать эволюционно обусловленным потребностям младенцев.

Любая культура уделяет детям особое внимание, и не только из-за того, что они нуждаются в нашей защите, но и потому что дети – это наше будущее. Именно они со временем вырастут и будут нести за него ответственность. И поскольку люди – это существа, ведущие общественный образ жизни в составе сложных социальных групп, все мы должны хотя бы немного интересоваться тем, как живут самые младшие члены этих групп. Однако в основе заботы общества о детях лежат биологические интересы индивида. В биологическом смысле дети – это часть нас самих, возможность передать наши индивидуальные гены следующему поколению людей. С эволюционной точки зрения забота о детях является естественной потребностью, заложенной у нас в мозгу; дети – носители нашего ДНК, которые сохраняют его для будущих поколений¹. Поэтому мы их любим, заботимся о них, воспитываем и поддерживаем; такое внимание к детям и любовь к младенцам заложены естественным отбором в самую нашу природу. Подобно потребности в пище или воздухе, желание зачать, родить и воспитать ребенка – одна из основных потребностей человека. В этом мы не отличаемся от самки кенгуру, носящей кенгуренка в своей сумке, или от самца мартышки, таскающего детеныша на спине. Таков один из самых прекрасных танцев, придуманных матерью природой, – танец родительства, и каждый родитель послушно исполняет свои па, потому что в ином случае танец не получится.

Однако не всегда путь от произведения на свет потомства к успешному выполнению роли воспитателя бывает простым. Существуют самые разные младенцы и самые разные родители. То, что их отношения сформировались в процессе естественного отбора, вовсе не означает, что они будут складываться без каких-либо усилий. Все мы читали кричащие заголовки и видели шокирующие репортажи и знаем, что бывают и плохие родители, и неумелые родители, и дети, с которыми обращаются плохо. Даже у самых примерных отцов и матерей бывают дни, когда у них буквально опускаются руки от отчаяния. Вот и получается, что отношения, на первый взгляд кажущиеся сугубо прагматическими – дети нуждаются во взрослых, а взрослые запрограммированы на удовлетворение этой потребности, – на деле оказываются одними из самых сложных и противоречивых взаимоотношений на земле.

При этом конфликт, который может возникнуть в процессе воспитания детей, существует не только между маленьким ребенком и родителями, но и на более глубинном уровне – между

¹ Clutton-Brock, 1991.

биологией и культурой. Рефлексы младенцев идеально отточены в процессе эволюции человеческого рода; они знают, когда спать, когда есть и какими сигналами сообщать о своих потребностях. Однако, хотя родители и запрограммированы на то, чтобы безотказно реагировать на требования своего чада, они при этом не перестают быть живыми людьми, а не роботами. На самом деле существует немыслимое количество внешних факторов, влияющих на работу «системы». За спиной каждого взрослого человека есть определенный личный и культурный багаж, который определяет его подход к воспитанию детей. И в каждом обществе существуют сформировавшиеся традиции, которые определяют, как взрослые «должны» обращаться со своими детьми. Учитывая, что дети крайне несамостоятельны и взрослеют достаточно медленно, родителям новорожденных предстоит еще долгие годы постоянно делать выбор и принимать самые разные решения относительно их воспитания и ухода за ними.

Наши представления о воспитании детей – это сплав личного опыта, полученного на основе наблюдения за поведением собственных родителей, мыслей о том, как можно улучшить то, что известно нам из нашего прошлого, и культурно обусловленных норм, которые определяют поведение, приемлемое в рамках конкретной культуры. Учитывая все это, нет ничего удивительного в том, что сколько родителей, столько и стилей воспитания. Кроме того, любой человек – не важно, является он родителем или нет, – уверен в правильности своих убеждений. Мне вспоминается, как много лет назад во время одного из приемов я стояла с другим гостем, обсуждая плохое поведение ребенка наших общих знакомых. К нашему разговору присоединилась хозяйка дома, заметив: «Мне так нравится слушать, как те, кто еще не стал родителями, обсуждают чужих детей». В этих словах не было ничего обидного или пренебрежительного – просто ей было любопытно узнать, как мы, бездетные люди, представляем себе столь ответственную работу, как воспитание. На тот момент мы с моим собеседником еще не успели стать родителями, но у каждого из нас было собственное мнение о воспитании детей, и нам, естественно, казалось, что мы способны справиться с этой задачей гораздо лучше, чем кто-либо из присутствующих на этом приеме. Каждый человек формирует собственный взгляд на воспитание и его влияние на детей друзей и родственников, основываясь на своих знаниях и системе ценностей. Более того, каждый из нас считает, что именно он прав. Вспомните мать и отца, которые не могут договориться, в какое время их дочь должна ложиться спать, или бабушку, которая недовольна тем, что младенца все время держат на руках, или друга, который удивляется тому, что родители неспособны унять своего ребенка. Каждый уверен, что он знает правильный ответ на вопрос, каким должен быть подход к воспитанию здорового и счастливого ребенка. При этом никто не видит тех личностных и культурных факторов влияния, которые способствовали формированию их взглядов.

На самом деле новорожденные являются объектами воздействия целого калейдоскопа принципиально разных стилей семейного воспитания. Несмотря на то что большинство детей благополучно вырастают во взрослых, никто в точности не знает, как эти разнообразные подходы к воспитанию влияют на взросление новорожденных в долгосрочном плане, жизнестойкость их организма и психическое здоровье. Данная книга выходит в свет в те дни, когда даже самые уверенные в себе родители беспокоятся по поводу того, всё ли они делают правильно. Если посмотреть на ситуацию более широко, то становится очевидным, что глобальные демографические и социальные изменения, происходящие в нашем мире, охватывают не только слаборазвитые, но и высокоразвитые западные страны, и нигде эти изменения не проявляются столь ярко, как в сфере ухода за детьми. Сегодня большинство детей в мире рождаются в семьях, принадлежащих к культурам и социально-экономическим группам, которые значительно отличаются от семей, проживающих в развитых странах, но при этом культуры стран третьего мира испытывают нарастающее давление со стороны Запада, который стремится заставить их подчиняться своим правилам. Так, туземных женщин, которые во время работы в поле всегда держали своих младенцев при себе в слингах, в наше время призывают вскарм-

ливать детей искусственно и использовать средства контрацепции для контроля рождаемости, отказываться от традиционных подходов к воспитанию и обращаться с детьми так, как это делают на Западе. А изменение роли женщин во многих культурах неминуемо оказывает влияние, иногда очень сильное, на развитие детей. Люди, принадлежащие к культурам стран третьего мира, переживают серьезный сдвиг в своей экономике – животноводы-кочевники становятся фермерами, а фермеры переезжают в города, где начинают работать на заводах. В Америке и многих других странах большие семьи, где родственники помогали друг другу в уходе за детьми, перестали быть правилом, а во всем мире растет количество неполных семей. Изменениям подвергается даже культурная атмосфера, существующая в развитых странах. В Америке, к примеру, сегодня матери составляют основную часть рабочей силы; найдется очень немного американских женщин и их детей, которые смогут вписаться в идиллическую картинку 1950-х годов, когда мама сидела дома и заботилась о детях, в то время как папа ходил на работу. Кроме того, высокий уровень иммиграции превращает наиболее развитые страны в плавильный котел, в котором происходит слияние разных культур, а значит, и подходов к воспитанию детей. Во всем мире наблюдаются серьезные сдвиги в области целей и стилей семейной жизни и воспитания подрастающего поколения. А значит, нам просто необходимо понимать, как мы формируем тех, кто представляет следующее поколение, и как те изменения, с которыми мы сталкиваемся, повлияют на подходы к воспитанию и развитие детей.

Возможно, самое поразительное открытие, сделанное специалистами в области этнопедагогики, заключается в том, что стили воспитания, существующие в западной культуре – те правила, которыми мы так дорожим, – необязательно являются наиболее подходящими для наших детей. Родительские практики, которые мы используем на Западе, не более чем условности культуры, которые имеют мало общего с тем, что естественно для новорожденных. На самом деле наши культурные правила разработаны с целью формирования определенного типа гражданина. Так, живущая в Ботсване женщина из племени кунг все время носит младенца с собой. Она кормит ребенка грудью не по часам, а, как мы на Западе пренебрежительно (и это многое говорит о нас самих!) называем, «по требованию». В племени кунг ребенка никогда не оставляют спать одного. А вот американских младенцев, напротив, часто на долгое время сажают в пластмассовые стульчики или кладут в коляску, их кормят строго по расписанию, и обязательным правилом считают наличие у ребенка собственной кровати или даже отдельной комнаты. В целом, эти два стиля ухода за детьми отражают то место, которое человек занимает в каждом из обществ. По тому, как ребенок ест, спит и проводит день, можно быстро понять, каким должен быть ожидаемый результат. Дети племени кунг живут в маленьком, тесно сплоченном сообществе, где очень важна социальная интеграция. В Америке же ценится социальная независимость, поэтому детей приучают к самостоятельности. Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что культурная среда представляет собой мощную, но при этом слабо изученную силу, которая формирует наш подход к воспитанию детей.

При всем том представители каждой культура уверены, что присущие ей стили и цели воспитания самые правильные, и не одобряют те, которые существуют у других народов. Когда матерям кенийского племени гусии показали видеофильм с участием американских матерей, они были поражены тем, как медленно американки реагируют на подаваемые их детьми сигналы о том, что они испытывают боль или дискомфорт. Американские туристы, в свою очередь, часто испытывают явную неловкость, когда видят, как пятилетняя африканская девочка несет на спине свою младшую сестру². Однако в том случае, когда эти предписанные культурой способы воспитания вступают в конфликт с биологией ребенка, ему может быть причинен реальный вред. В том, что касается потребностей, человеческие дети в биологическом плане очень похожи: им всем нужны еда, сон и эмоциональная привязанность. Однако родители и куль-

² LeVine, Dixon et al., 1994.

туры могут невольно повернуть эти потребности в сторону достижения собственных целей. В этом нет ничего дурного или эгоистичного – все родители желают своим детям лучшего, однако очевидно, что в различных культурах существуют разные представления о том, в чем это «лучшее» заключается.

В данной книге я воспользовалась материалами исследований различных этнопедиатров, специалистов по детскому развитию и антропологов в попытке понять, как культура влияет на воспитание детей и их развитие. Эти исследователи утверждают, что ребенок эволюционировал на протяжении миллионов лет и этот процесс начался задолго до того, как современная культура наложила свою руку на наши представления о том, кем мы являемся и что делаем. Тем не менее сегодня именно эта культура определяет очень многое в вопросах роста и развития ребенка. Более того, в развитых западных странах многие традиции приобрели ореол научной достоверности и благодаря этому стали прочно укоренившимися. Однако до недавнего времени не существовало никаких документальных научных подтверждений того, что тот или иной способ воспитания детей является действительно «правильным» в биологическом и психологическом смысле. По мнению этнопедиатров, для того чтобы действительно понять, как лучше всего воспитывать детей, необходимо провести эволюционное и кросскультурное исследование, которое должно быть дополнено реальными биологическими данными. Поэтому эти исследователи задают самые разные вопросы, ответы на которые представляют интерес не только для них, но и для родителей, врачей и всех тех, кто ухаживает за детьми. Почему ребенок так часто плачет, и можно ли что-то с этим сделать? Что лучше – кормить новорожденного по расписанию или постоянно? Действительно ли стили воспитания формируют личность и характер с момента рождения? Как лучше всего детям спать? Другими словами – как нам ухаживать за младенцами, которые не могут сказать о своих потребностях?

Рассматривая новую информацию, появляющуюся на стыке культур, я предлагаю читателям изучить те решения и варианты выбора, которые могут помочь нам в преодолении такого непростого пути, как воспитание ребенка. Предметом данной книги, имеющей биологическую и эволюционную основу, является антропология детей. Она не представляет собой практическое руководство как таковое, однако я надеюсь, что мне удастся – представив естественную историю и биологию раннего детства и предложив глобальный взгляд на подходы к воспитанию – познакомить кого-то из родителей и любых других взрослых людей, интересующихся жизнью человеческого общества, с новыми способами осмысления ухода за детьми. Кроме того, читатели смогут по-новому взглянуть на свою собственную историю. Ведь в этой книге я исследую биологические, культурные и семейный факторы влияния, которые определяют, какими мы становимся взрослыми.

В первой главе я начинаю с рассказа о детях в период начала существования такого биологического вида, как человек, и рассматриваю ребенка как эволюционирующий организм, который развивался на протяжении многих поколений, пока не приобрел свою современную форму. Мы рождаемся нагими, имея мозг, в котором окончательно сформировалась только небольшая его часть. Мы не способны встать на ноги, защитить себя или найти пищу. И мы очень медленно растем; человеческий ребенок – это самый зависимый детеныш на земле. Почему так? По какой-то причине миллионы лет назад представители нашего биологического вида развились от своих обезьяноподобных предков и встали на ноги. Необходимое для прямохождения анатомическое изменение тазовой области наложило определенные ограничения на конструкцию человеческого таза. Учитывая увеличение размера мозга человека в процессе эволюции, эта новая конструкция диктовала необходимость завершения неврологического развития ребенка за пределами матки. Из-за очень высокой зависимости человеческих детей родителям приходится тратить массу сил и средств, чтобы вырастить каждого ребенка; к тому же они должны устанавливать тесную связь со своим младенцем, который крайне ограничен в способах, позволяющих сообщить о своих потребностях. Природа создала взаимосвязанные,

симбиотические отношения между родителями и их потомством, на основе которых возникает связь «ребенок – родитель», представляющая собой одну из неотъемлемых особенностей биологии и роста человека. В первой главе описывается эволюционный путь, пройденный человеческим ребенком, и дается объяснение характерных особенностей самых юных представителей нашего биологического вида и необходимых для них отношений с взрослыми.

Во второй главе раскрывается мысль, что существуют всевозможные способы воспитания детей и что все они могут рассматриваться в социальном смысле. Так, матери из африканского племени гусии почти не говорят со своими детьми, за исключением тех случаев, когда их нужно успокоить, в то время как американские матери считают нужным разговаривать со своими малышами непрерывно. Оба подхода имеют смысл в контексте культуры каждого общества. Матери племени гусии пренебрегают вербальной стимуляцией, чувствуя, что это может пробудить в детях эгоизм, то есть ту черту, которая нежелательна в ориентированной на семью экономике, где первостепенное значение имеют коллективизм и общность. С другой стороны, американские матери убеждены, что вербальная стимуляция – это единственный способ вырастить умного и успешного ребенка в обществе, которое отдает предпочтение независимости и уверенности в себе. В этой главе рассматриваются цели воспитания детей и источники их происхождения. Во второй главе также дается более подробное объяснение концепции этнопедиатрии, представляющей собой кросскультурный взгляд на родительское поведение и эволюционную биологию ребенка, который составляет основу данной книги.

Третья глава – это своего рода «шведский стол», на котором представлены стили воспитания детей, существующие в разных культурах. Разве не интересно узнать, что родители племени кунг из Ботсваны никогда не оставляют своих младенцев лежащими на спине и что эти же родители тратят значительное количество времени, побуждая своих детей садиться и ходить. В результате дети этого племени в раннем возрасте отличаются гораздо более развитыми моторными навыками, чем их западные сверстники. В Японии родители воспринимают своего ребенка как свободную личность, которую необходимо интегрировать в семейную ячейку. И поэтому японские матери и отцы поощряют зависимость. Американские родители, напротив, пытаются вырастить своих детей уверенными в себе и независимыми, поэтому стараются увеличить существующую между ними эмоциональную и физическую дистанцию. Дело в том, что в любой культуре – или у формирующих ее людей – существуют самые разные негласные, часто неосознаваемые цели, связанные с будущим детей. Эти цели определяются экономикой конкретного общества и традициями, которые передаются от поколения к поколению. Однако эти цели не являются строго установленными; в условиях изменения экономики или политического климата родительские цели тоже меняются. Таким образом, подход людей к воспитанию детей носит традиционный и общепринятый характер, но при этом обладает способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Важно, что, несмотря на уверенность каждого родителя в том, что он ведет себя «правильно», никто не принимает во внимание огромное многообразие стилей воспитания, существующих во всем мире.

Следующие три главы книги посвящены трем важнейшим составляющим раннего детства – сон, состояние, или настрой, и кормление. Это те три канала, через которые родительские цели преобразуются в повседневные действия и взаимодействие. В четвертой главе рассматривается сон ребенка. На Западе используют характер сна детей в качестве средства оценки их развития и жалуются педиатрам, если новорожденный не спит на протяжении всей ночи. Считается, что ребенок, отличающийся тревожным сном, ведет себя аномально и отстает в развитии. С точки зрения этнопедиатров, изучающих паттерны сна, его нарушения – это естественное явление, а западные паттерны сна в одиночестве в любом возрасте противоречат биологии человека и его развитию. Детский сон формировался в атмосфере тесного контакта между матерью и младенцем, и даже сегодня 90 % маленьких детей по всему миру спят вместе со взрослыми. Примечательно, что результаты последних исследований сви-

детельствуют о том, что совместный сон с матерью приносит ребенку психологическую пользу. Сегодня ученые считают, что атмосфера совместного сна способствует развитию ребенка и что он использует модель родительского сна, чтобы научиться дышать ночью. Существует мнение, что совместный сон даже способен защитить некоторых младенцев от синдрома внезапной детской смерти (СВДС).

В пятой главе говорится о состоянии ребенка, поэтому она начинается с разговора о детском плаче, так как это именно то состояние, которое больше всего волнует и травмирует молодых родителей. Исследования в области этнопедиатрии говорят о том, что плач ребенка – это не просто способ, позволяющий ему получить еду или сухой подгузник, и уж точно не способ вызвать раздражение у взрослых. Это эволюционная адаптация в виде сигнала, с помощью которого младенец может сообщить, что с ним что-то не так. Игнорирование такого плача только усложняет ситуацию. Во многих культурах новорожденные плачут реже, чем их ровесники в западных странах, потому что их чаще держат на руках и потому что им не позволяют плакать долгое время, а реагируют на плач очень быстро. Существуют убедительные доказательства того, что состояние младенца и реакция на него взрослого человека могут оказывать значительное влияние на настроение ребенка. Психологами были проведены исследования с участием детей первого полугодия жизни, которые дают основание предположить, что в основе темперамента человека – то есть настроения и мироощущения маленького ребенка, а особенно его реакции на все новое – лежат биология и наследственность. Однако когда ребенок является частью несогласованных, несимбиотических отношений «родитель – младенец», его темперамент может серьезно измениться в худшую сторону. В связи с тем что маленький ребенок и родители образуют собой неделимое целое, каждый из них влияет на другого. Состояние младенца – это не некая величина, существующая в вакууме, а в определенном смысле функция его отношений с матерью и отцом, а также другими людьми, входящими в его круг общения.

Нигде конфликт между культурой и биологией не проявляется столь ярко, как в вопросе грудного вскармливания, который является главной темой, рассматриваемой мною в шестой главе. Сегодня большинство детей в мире получают грудное вскармливание. Прежде всего, это удобно, а если говорить с диетологической точки зрения, то это лучший источник пищи для новорожденных, обеспечивающий их важными антителами и приносящий другую пользу для здоровья. Однако в последние десятилетия все больше людей признают приемлемость искусственного вскармливания, и до недавнего времени его даже активно рекламировали, как если бы это был лучший метод кормления новорожденных. Еще интереснее тот факт, что искусственное вскармливание приобрело культурологический смысл – в 1960-х годах оно стало символом приверженности современным идеям, свободы и широты взглядов на Западе, а также в других странах, куда импортируется искусственное молоко. Все большее число матерей в слаборазвитых странах, где отсутствуют нормальные санитарные условия, делают свой выбор в пользу искусственного вскармливания, что приводит к высокой детской смертности. Таким образом, метод, выбираемый матерью для кормления младенца, становится важным политическим вопросом и вопросом здравоохранения, а также культурным явлением.

Седьмая глава завершает эту книгу обсуждением, которое должно помочь родителям ориентироваться во всей этой информации. Родительские решения не являются полностью интуитивными – каждый день мамы и папы, занимающиеся уходом за своими детьми, многократно совершают осознанный и неосознанный выбор. По сути, на протяжении дня все родители принимают целый ряд компромиссных решений. Носить ребенка на руках, и тогда он не будет плакать, но ведь он уже немало весит? Вскармливать ребенка искусственно и мириться с уходом за необходимыми для этого приспособлениями или кормить ребенка грудью, но при этом быть привязанным к нему? Спать вместе с ребенком спокойным сном или спать отдельно и всю ночь беспокоиться о нем? Каждое решение предполагает свои последствия. Однако самое важное заключается в том, что родителям, возможно, понравится идея о том, что, какой бы

подход к воспитанию детей им ни диктовала их собственная культура, существует множество альтернативных способов ухода за детьми, которые могут предложить другие культуры.

Давайте посмотрим фактам в лицо – умение воспитывать детей формировалось у матерей и отцов на протяжении миллионов лет эволюции. Если бы не это, наш биологический вид вряд ли смог бы выжить и просуществовать так долго. И все дело в том, что дети благополучно растут, воспитываясь с помощью множества самых разных родительских стратегий. Однако, когда речь идет об этих стратегиях, мы имеем дело не просто с вопросом мнений, традиций или обстоятельств, а со сложным соединением культуры и биологии. И то, каким образом мы воспитываем детей, оказывает реальное влияние на наше поведение, когда мы становимся взрослыми людьми. Цель этнопедиатров состоит в том, чтобы понять, что заставляет нас воспитывать своих детей именно так, как мы это делаем, и, достигнув этого понимания, выяснить, что лучше всего подходит детям.

Глава 1

Эволюционное развитие ребенка

Несколько лет назад Американский музей естественной истории в Нью-Йорке организовал необычную выставку, посвященную нашим далеким предкам. Цель выставки заключалась в том, чтобы продемонстрировать публике подлинные останки людей, иллюстрирующие эволюцию человеческого рода на протяжении четырех миллионов лет. Обычно эти останки хранятся под замком в музейных хранилищах в Африке, Азии и Европе, куда допускаются только квалифицированные специалисты. Однако той весной любой человек получал возможность увидеть своих предков, пусть не во плоти, но в костях. Лично для меня как антрополога это событие ознаменовало осуществление заветной мечты – посмотреть на подлинные останки, которые я столько лет изучала и о которых рассказывала своим студентам. Я отправилась в Нью-Йорк в первые же выходные после открытия выставки, испытывая при этом возбуждение, которое сравнимо только с тем, которое ощущает подросток на первом свидании. Я видела фотографии всех этих останков и не раз держала в руках гипсовые слепки многих из них. А теперь мне предстояло увидеть воочию то, что представало перед глазами Луиса Лики, Дона Йохансона и других ученых, когда они выкапывали из грязи одного из наших древних предков.

Я поднялась по главной лестнице музея, прошла под баннером с информацией об открытии выставки и вошла в здание. Внутри было темно и тихо, и лишь несколько человек бродили по залу. Такая обстановка меня вполне устраивала – она была созвучна охватившему меня чувству благоговейного трепета. Прямо перед собой я увидела высокую стеклянную витрину, освещенную сверху. Внутри был череп ребенка, размещенный на уровне глаз взрослого человека, так что наши «взгляды» встретились. На этом черепе не было ни плоти, ни глаз, ни рта – только пустое лицо ребенка с набором поврежденных зубов. Я застыла на месте, сделала глубокий вдох и приступила к осмотру.

Это был «Ребенок из Таунга», австралопитек африканский, который был обнаружен в 1925 году и когда-то считался недостающим звеном между людьми и обезьянами. Очень давно, когда этот маленький ребенок умер, он каким-то образом попал в известковый карьер, где костная ткань постепенно исчезла и была замещена камнем. Через два миллиона лет работники каменоломни бросили этот обломок известняка в ящик с окаменелостями, которые они периодически передавали Раймонду Дарту, британскому профессору анатомии, который в то время преподавал в одном из университетов Южной Африки. Воспользовавшись вязальной спицей своей жены, Дарт начал откалывать сцементированную из обломков породу и делал это до тех пор, пока его взору не предстало маленькое лицо. Дарт часто находил в ящиках с окаменелостями останки бабуинов, но это не была обезьяна – мозг имел слишком большой размер, а лицо было слишком плоским. Дарт был убежден, что перед ним первое доказательство разделения обезьяны и человека. Сегодня мы знаем, что ребенок из Таунга и его родственники представляли собой похожих на человека существ, которые ходили на двух ногах, но все еще имели маленький мозг, и что они были возможными предками нашего вида, человека разумного (*Homo sapiens*). Так череп ребенка проложил путь к пониманию нашего прошлого.

И вот передо мной было то же самое лицо, на которое Раймонд Дарт смотрел шестьдесят лет назад. Лицо вогнуто вертикально ото лба до подбородка, однако нос плоский. Глаза, если бы они были в глазницах, смотрели бы прямо вперед. Правая сторона внутренней части черепа заполнена сверкающими кристаллами камня жеода, придающими ему алмазный блеск. И это символично. Данный череп и каменный слепок мозга ребенка, тоже найденный Дартом, так же драгоценны для тех, кто пытается понять эволюционный путь человека, как бриллианты.

Пока я рассматривала череп, меня посетила мысль о том, что много лет назад этот древний малыш был чьим-то ребенком. Возможно, он болел, или просто был невезучим, или стал ужином для какого-нибудь хищника. Стоя перед витриной, я представляла, как давным-давно он улыбался, смеялся и тянул руки к груди матери. Это была самая прекрасная вещь из всего, что я когда-либо видела.

С биологической точки зрения ребенок из Таунга представляет определенный этап развития австралопитеков, наших предков, которые жили от четырех до двух миллионов лет назад. Внимание палеонтологов, как правило, сконцентрировано на взрослых представителях любого вида, потому что взрослое состояние – это полноценный конечный результат развития; однако окаменелые останки младенцев и детей также могут многое рассказать с точки зрения анатомии и психологии, скорости развития и роста. Дети – это не просто миниатюрные версии взрослых. Существуют веские эволюционные причины, объясняющие, почему младенцы и дети старшего возраста выглядят и ведут себе определенным образом, – детство представляет собой особый эволюционный этап развития в жизни человека. Ребенок из Таунга подчеркивает тот факт, что мы не рождаемся взрослыми, а переживаем долгий период роста и изменения. В этом ребенке, как и во всех детях, скрыты некоторые наиболее важные секреты нашей анатомии и поведения. Не случайно же мыши рождаются слепыми, а человеческие дети не могут держать голову. Естественный отбор сделал так, чтобы оленята стояли самостоятельно почти сразу после появления на свет, младенцы автоматически улыбались, а детеныши шимпанзе цеплялись за шерсть матери. И все это имеет некий биологический смысл. Реализация модели рождения, младенчества и детства у любого вида происходит в определенной последовательности, которая в конечном счете формирует биологическую природу и поведение взрослой особи.

Строение тела у детей раннего возраста

Летом 1990 года я путешествовала по Африке, и во время той поездки мне представилась возможность поддержать на руках детеныша шимпанзе. Его мать и все родственники были убиты браконьером. Его успели поймать, прежде чем детеныш был отправлен в какой-нибудь европейский зоопарк, и теперь малыша поселили в отеле, менеджер которого взял за правило забирать к себе брошенных животных. Качая детеныша обезьяны на руках, я испытывала удивительные чувства – он был совсем как маленький ребенок, только более волосатый. Он слегка ерзал, смотрел на меня напуганными карими глазами и, вытянув вперед губы, издавал тихие непонятные звуки. После нескольких минут беспокойства он протянул свои длинные руки через мое плечо в сторону женщины, которая за ним обычно ухаживала, пытаясь дотянуться до единственной матери, которая у него теперь была.

Неудивительно, что этот детеныш обезьяны был так похож на ребенка – около 98 процентов генетического материала человека и шимпанзе идентичны. На самом деле между нами и шимпанзе существует более тесная связь, чем между шимпанзе и гориллами. Я сообщаю этот факт, чтобы подчеркнуть одну мысль: все люди – как дети, так и взрослые, если уж на то пошло, – животные. Мы принадлежим к приматам, одному из отрядов млекопитающих, и наших детей можно считать детенышами. Несмотря на то что людям нравится считать себя единственными в своем роде, у нас есть много общего с другими приматами в области психологии и поведения. Так, форма нашей головы является частью континуума, распространяющегося на других приматов, для которого характерны уменьшенный нос и увеличенная черепная коробка с широким лбом и впередсмотрящими глазами. Наши зубы имеют больше сходства с зубами приматов, а не собаки или аллигатора. Наши глаза видят так же, как глаза обезьяны, которые обладают способностью к цветовому и глубинному (пространственному) зрению, помогающему им передвигаться по ветвям деревьев. Наши гибкие руки – которые могут сорвать фрукт с дерева, напечатать эти слова, завязать шнурки, держать цветок или собрать модель самолета – отличают нас и всех приматов от других млекопитающих, у которых есть лапы. Вся верхняя часть нашего скелета свидетельствует о еще более тесной связи с другими приматами, в особенности человекообразными обезьянами. Взяв в руки учебник по анатомии человека, можно провести анализ строения тела шимпанзе или гориллы и обнаружить, что все их кости и органы находятся на тех же самых местах, что и у человека. У нас верхняя часть тела – человекообразных обезьян с длинными руками. Единственное различие – в широком анатомическом смысле – заключается в том, что человеческий таз, ноги и ступни адаптированы к прямохождению. Значительная часть наших физиологических особенностей совпадает с теми, которые есть у прямоходящих приматов.

Дело в том, что человеческие младенцы, как и все другие, являются животными определенного вида, которые от рождения обладают определенными физическими и психическими способностями и не имеют некоторых других. Как будет видно из этой книги, лучше всего можно понять значительную часть животного контекста развития новорожденных и детей, взглянув на него через призму биологической эволюции.

Взяв на вооружение такой подход, уже невозможно думать о детях как о начальных несформировавшихся организмах или слабом подобии взрослых, которыми им предстоит стать. Дети – это только то, чем они были созданы быть.

Почему младенец не может сидеть

Не все малыши одинаковы. Дети, рождающиеся у людей, совершенно беспомощны, их интересует главным образом пища, сон, процесс еды, дефекация и комфорт. Сравните наших грудничков с новорожденным оленем. Олененок сразу же после рождения встает на ноги и через некоторое время уже готов убежать от опасности. Ученые называют эти два типа

новорожденных, встречающихся в живом мире, «незрелорождающимися» и «зрелорождающимися». Незрелорождающиеся малыши появляются на свет беспомощными, как правило, после короткого периода созревания или беременности, и формирование их мозга обычно завершено не полностью. Зрелорождающиеся детеныши проводят больше времени в утробе матери, более подготовлены к появлению на свет, куда они приходят зрячими и с хорошо развитым мозгом, позволяющим им контролировать свои конечности и двигаться должным образом; их центральная нервная система более совершенна в сравнении с их ровесниками незрелорождающегося типа. Незрелорождающиеся детеныши, как правило, имеют маленькое тело, отличаются небольшим мозгом и быстро растут, например мыши. Зрелорождающиеся малыши имеют большое тело и большой мозг, но растут медленно, например гориллы.

В обоих случаях мы имеем дело с рациональными альтернативными путями к выживанию: незрелорождающийся детеныш после рождения растет быстрее, а у зрелорождающегося значительная часть его развития происходит, пока он находится внутри матери. Так, размер мозга типичных зрелорождающихся малышей при рождении в 4,5 раза больше, чем у их незрелорождающихся ровесников с таким же весом тела. Однако впоследствии это различие исчезает. С момента рождения мозг незрелорождающегося детеныша увеличивается в размере в 7,5 раза, в то время как у зрелорождающегося только в 2,5 раза; другими словами, после появления на свет из утробы матери мозг меньшего размера растет почти в три раза быстрее³. Эта общая физическая и экологическая концепция необходима нам, чтобы представить в более широком контексте наш собственный вид. Что определяет стратегию развития зрелорождающегося или незрелорождающегося ребенка, и почему у людей дети рождаются такими зависимыми? Без сомнения, есть серьезные биологические основания для того, чтобы плод человека рождался в определенное время и определенного размера.

Большинство приматов можно отчасти отнести к зрелорождающемуся типу животных. Обезьяны и человекоподобные обезьяны, к примеру, рождаются зрячими, в отличие от мышей, и сразу же могут держаться за шерсть матери. Они не могут убежать от хищника или прокормить себя, но почти сразу после рождения способны без посторонней помощи найти грудь матери и сосать молоко, а также изучать окружающий мир с помощью глаз и рук. Приматы также выделяются среди других млекопитающих большим размером мозга на любой стадии развития. У всех приматов мозг плода составляет 12 % от его общего веса, в то время как у других млекопитающих (за исключением китов и дельфинов, которые также обладают достаточно большим мозгом) вес мозга плода соответствует только 6 % от веса тела⁴. Но если большинство приматов – зрелорождающихся животных с большим мозгом – способно взаимодействовать с окружающим миром, то почему человеческие дети рождаются такими беспомощными?

Люди отличаются от других приматов, поэтому их считают «вторично незрелорождающимися»⁵. Это означает, что у нас были предки, адаптировавшиеся к существованию в качестве зрелорождающегося вида, а затем по какой-то причине у нас развились некоторые черты, присущие незрелорождающемуся виду, которые в настоящее время накладываются на эту базовую модель. Ключом к пониманию нашего достаточно нового статуса незрелорождающегося вида служит наш огромный мозг; в процессе естественного отбора человеческие дети приспособились к этому выбору в пользу большого размера мозга. Мы являемся частью последовательности видов, обладающих крупным мозгом, и были отобраны для того, чтобы развить эту особенность в большей степени, чем любой другой вид приматов. По какой-то причине миллионы лет назад, когда у нас с обезьянами был общий предок, одна из разновидностей обезьян, обладавшая чуть большим мозгом, преуспевала – например, в вопросах выживания и произ-

³ Martin, 1990.

⁴ Martin, 1990.

⁵ Dienske, 1986.

ведения большего потомства – больше, чем какой-либо другой вид обезьян. Таким образом, начал происходить активный сдвиг в пользу увеличенного объема мозговой ткани, который привел к выбору большого мозга. Однако за большой мозг приходится расплачиваться. Природе пришлось придумывать разнообразные решения для адаптации к такому выбору. Так, для обеспечения функционирования мозговой ткани требуется больше калорий, чем для какой-либо другой ткани, поэтому значительная часть съедаемой нами пищи обеспечивает питание и тепло для клеток мозга. Еще более важным является то, что наши дети вынуждены появляться на свет раньше, чем это могло бы происходить в ином случае, имея из-за этого недостаточно развитый мозг. В результате у новорожденных отсутствует оформившаяся центральная нервная система, что объясняет причины их неспособности ходить и разговаривать в течение длительного времени; для этого у них нет соответствующей нейронной сети. Младенец не может сидеть, потому что формирование его нервной системы – а самое главное, мозга – не завершено. Следовательно, высокая зависимость наших новорожденных и их постоянная потребность в заботе – это главная расплата за обладание большим мозгом.

Несомненно, наши дети быстро наверстывают упущенное. После рождения мозг человека растет быстрее, чем у любого другого млекопитающего, и этот темп развития сохраняется на протяжении двенадцати месяцев, после чего мы переходим к более типичной для млекопитающих модели роста мозга. Р. Д. Мартин, специалист по анатомии приматов и палеонтолог, утверждает, что у людей период беременности в действительности составляет двадцать один месяц – девять месяцев в утробе матери, а затем двенадцать месяцев за ее пределами⁶.

Однако причины, по которым наши дети появляются на свет до того, как завершится их неврологическое развитие, не ограничиваются размером мозга. Наши новорожденные имеют достаточно крупный размер, учитывая вес тела матери, и это усложняет работу всей репродуктивной системы человека. Самую важную роль в ней играет плацента, которая функционирует как система передачи кислорода от матери к плоду. Когда ребенок достигает определенного веса, плацента утрачивает возможность выполнять свою работу должным образом⁷. В случае запоздалых родов родители часто думают, что акушер рекомендует проведение кесарева сечения, потому что ребенок стал слишком большим, чтобы пройти через материнский таз. На самом деле врачей больше беспокоит то, что плацента может дать сбой, в результате чего не сможет доставлять ребенку кислород и удалять отходы жизнедеятельности. При рождении размер ребенка относительно плаценты является более важным фактором, определяющим продолжительность родов, чем размер мозга.

Все эти три стратегии появления на свет – незрелорождающимися, зрелорождающимися и вторично незрелорождающимися – связаны с целым комплексом ограничений и адаптаций, которые формируют тот или иной вид. Экологи рассматривают эти стратегии в виде континуума. На одном конце находятся виды, которые при высокой скорости размножения производят многочисленное потомство, но вкладывают в его воспитание мало сил, такие как насекомые (их называют r-видами или r-стратегиями). На другом конце спектра располагаются виды, которые размножаются только эпизодически и вкладывают очень много в воспитание каждого малыша (называемые K-видами, или K-стратегиями)⁸. Например, мыши проявляют в этом вопросе максимум энергии, принося многочисленные пометы с большим количеством незрелорождающихся детенышей, которые остаются в гнезде до завершения своего развития. В случае с большинством копытных эволюция сделала выбор в пользу крупных животных с осторожными, быстрыми зрелорождающимися детенышами. А линия человека определяется детьми с большим мозгом, которые рождаются окончательно не сформировавшимися. Ответить на вопрос,

⁶ Martin, 1990.

⁷ Martin, 1990.

⁸ Whittenberger, 1981.

от чего зависит выбор того или иного пути, непросто. Иногда речь идет о случайности, которая подталкивает развитие какого-либо вида в определенном направлении. Но чаще модель размножения можно объяснить как адаптацию к конкретному набору условий окружающей среды, которые благоприятствуют тому или иному физическому изменению. Таким образом, нам известно только то, что эволюционная история человечества двигалась в направлении поддержки большого мозга, что, в свою очередь, неизбежно влекло за собой биологические и психологические последствия в плане процесса рождения и развития ребенка в младенческом возрасте.

Осложнения от прямохождения

Возможно, мы могли бы и дальше продолжать разговор о детях, мозг которых развит наполовину, если бы эволюция не добавила в процесс раннего развития ребенка еще один осложняющий фактор – прямохождение. Как минимум четыре миллиона лет назад, когда род человека, или семейство гоминиды, откололся от шимпанзе, с которыми у нас был общий предок, его представители перешли к новому способу передвижения. В отличие от человекообразных обезьян, которые передвигаются по деревьям, цепляясь длинными руками за ветви, и ходят по земле, балансируя для устойчивости на костяшках пальцев, особи, принадлежащие к эволюционной линии человека, встали на ноги. Другие приматы также проводят некоторое время на задних лапах; они стоят навывтяжку, когда напуганы или осматривают окрестности. Различие заключается в том, что люди – и наши предки – использовали хождение на двух ногах как основной способ передвижения. Этот переход к прямохождению в конечном итоге «подарил» нам боль, испытываемую во время родов.

На моем письменном столе лежат четыре анатомических экспоната. Один из них – это таз женщины, которая умерла не так давно. Другой – гипсовый слепок таза шимпанзе. В третьем случае гипсовый слепок сделан с таза мартышки, которая была одним из моих подопытных животных и умерла в ходе исследования, а теперь продолжает жить в моем кабинете, помогая разобраться в анатомии скелета низших обезьян. Четвертый же экспонат – это слепок таза Люси, женской особи австралопитека, которая умерла почти четыре миллиона лет назад. Если поставить их в ряд, то становится очевидным существующее между ними сходство. Миниатюрный таз Люси больше походит на кости ее далекой родственницы-человека, а кости шимпанзе и мартышки сформированы по своему отдельному, типичному для двух этих семейств шаблону. Различие между ними сильнее всего видно в двух особенностях костей таза. Во-первых, подвздошные кости («крылья», образующие основную часть таза) у передвигающихся на четырех конечностях низших приматов и у передвигающихся на задних конечностях с опорой на костяшки пальцев человекообразных – удлиненные, тогда как у гоминидов – Люси и нашей современницы – они короткие и широкие. Такие короткие и широкие подвздошные кости предназначены для того, чтобы поддерживать вес внутренних органов существа, которое всю свою жизнь проводит в вертикальном положении, стоя. Нужны они и для того, чтобы оставлять достаточно места для крепления мускулатуры, которая поддерживает тело в вертикальном положении и помогает ему сохранять это положение и равновесие при ходьбе. Во-вторых, кости таза у двух этих групп имеют разную форму. Если взять их в руки и заглянуть в них сверху, становится видно, что родовой канал у человекообразных и низших приматов имеет форму вытянутого по вертикали овала. А у двух гоминидов это отверстие сжато по вертикали и растянуто по горизонтали – овал повернут набок⁹. Причиной такого различия послужило то, что у двуногих приматов расстояние от поясницы до тазобедренного сустава стало короче. Как следствие, мышцы, ведущие от безымянных костей таза к ногам, стали крепиться к такому более широкому и плоскому тазу иначе: увеличилась большая ягодичная мышца (лат. *gluteus maximus*), которая стабилизирует положение ноги при ходьбе, отчего боковые мышцы,

⁹ Tague and Lovejoy, 1986; Trevathan, 1987. Ученые называют такую форму таза «плоской».

обеспечивающие равновесие туловища, стали эффективнее крепиться к бедренным костям. Это, в свою очередь, сделало возможным прямохождение, не давая при этом корпусу заваливаться, как это происходит с животными, привыкшими передвигаться на четырех конечностях, когда они пытаются слишком долго удержаться в вертикальном положении¹⁰. Сказалось это и на внутренней геометрии костей таза нашей современницы и Люси. Из-за смещения центра тяжести кости крестцового и поясничного отделов позвоночника, чтобы помочь поддерживать внутренние органы, сделались шире и толще и более вдавленными в полость таза. Вот как вышло, что, когда предки людей начали ходить на двух ногах, прямо посреди отверстия, через которое, по идее, должен был беспрепятственно проходить младенец, появилась крестцовая впадина. Выступ этот опасно сближался с лобковой костью передней части таза и означал, что в процессе родов младенцам по дороге наружу придется делать небольшой крюк.

Строение костей таза у современного человека и у всех его прародителей из числа прямоходящих радикально отличается от строения таза у тех его предков, что передвигались на четырех конечностях или с опорой на костяшки пальцев. Причины, подтолкнувшие наших предков к прямохождению, доподлинно неизвестны. На этот счет выдвигалось множество теорий, многие из которых были опровергнуты. Наиболее распространенная – это что люди стали ходить вертикально, чтобы переносить в руках предметы. Но хотя прямохождение действительно освобождает руки, непохоже, чтобы даруемая им способность переносить предметы (а возможно, и детей) была настолько эволюционно значимой потребностью. Наверняка должна была существовать более насущная необходимость, обусловившая такое кардинальное изменение скелета и мускулатуры. Вероятнее то, что прямохождение стало для наших предков реакцией на изменившиеся условия окружающего мира или предоставившиеся им новые возможности по добыче ресурсов. Бипедализм мог оказаться наиболее эффективным способом передвижения между участками редящих лесов; способность спуститься с деревьев и перейти из одного островка леса в другой могла быть стратегией поведения, выделившей наших предков на фоне конкурировавших с ними за пищу высших приматов¹¹. В любом случае, Люси, ее товарки, а также все древние люди после нее передвигались по лесам и африканским саваннам, расхаживая на двух нижних конечностях.

Узкое место

Как отразились все эти перемены в строении таза на рождающихся гоминидах и самом процессе родов? Поначалу почти никак. Во-первых, детеныши австралопитеков были меньше наших детей, просто оттого что и сами они были меньше нас; Люси, например, ростом была всего 105 см. Что еще важнее, у них были очень маленькие головы. Объем мозга взрослой особи австралопитека афарского был около 400 см³, примерно как мозг шимпанзе (грубо говоря, размером с грейпфрут). Детеныши австралопитеков, по подсчетам ученых, при рождении весили около 1600 граммов, а объем мозга имели 143 кубических сантиметра¹². Пройти через родовые пути для них скорее всего не представляло особой трудности. Однако на один компромисс им все-таки пришлось пойти.

У обезьян таз сжат с боков, что соответствует форме головки младенца; а крестец – широкая кость, соединяющая две половины таза, – не выгнут внутрь, как у людей. В результате детеныши обезьян, как правило, проходят в родовые пути лицом вверх. Но у австралопитеков таз был уже и ниже и имел крестец, вдавленный в ту полость, через которую должны были проходить младенцы. Поэтому их детям приходилось выходить на свет по иной траектории, ближе к

¹⁰ Berge et al., 1984; Tague and Lovejoy, 1986; Lovejoy, 1988.

¹¹ Rodman and McHenry, 1980; Isbell and Young, 1996.

¹² Leutenegger, 1972.

тому, как это происходит у современных младенцев¹³. Им нужно было входить в родовые пути под углом и подстраивать положение своего тельца под изгибы полости таза, сохраняя ориентацию либо слегка поворачиваясь и выходя лицом вниз¹⁴. Процесс этот мог протекать так же быстро, как и у низших приматов, но малышам австралопитеков приходилось покрутиться¹⁵.

Проблемы с родами стали возникать намного позже, когда Люси и ее коллеги уже вымерли, а у их потомков неожиданно резко увеличился объем мозга. Примерно полтора миллиона лет назад мозг взрослого гоминида увеличился с 400 см³, как у австралопитека, до 750 см³. Обладателем такого более крупного мозга был вид под названием *Homo habilis*, первый представитель нашего биологического рода. Иными словами, мозг у наших предков увеличился в объеме почти вдвое. Спустя еще всего какой-то миллион лет мозг гоминида снова увеличился вдвое, пока не достиг современного среднего объема в 1200 кубических сантиметров¹⁶. С точки зрения эволюции все это – довольно резкие изменения.

Как же сказалось такое увеличение объема мозга младенца на процессе родов? Кости таза, приспособившись к прямохождению, в своем строении на протяжении трех миллионов лет оставались практически неизменными. Очевидно, что значительно прибавившая в размере голова уже не могла с легкостью проскользнуть через родовой канал таза, приспособленного к эффективному перемещению на двух ногах и рождению младенцев с небольшим мозгом. Проблема в самой конструкции: таз задумывался как место крепления необходимой для хождения на двух ногах мускулатуры – чем шире, тем лучше, лишь бы это не начинало мешать женщине ходить. Модифицировать его под нужды большеголовых младенцев невозможно. Так что на компромисс должны были пойти сами младенцы, что они и сделали. Во-первых, природа ограничила максимальный объем головного мозга при родах. У людей, как и всех других приматов, дети рождаются с мозгом, вес которого составляет примерно 12 % веса тела. Пусть на роду нам и написан более высокий коэффициент энцефализации (то есть соотношения размеров мозга и тела), чем у других приматов, рождаемся мы с тем же относительным объемом мозга, что и у обезьян¹⁷. Это компенсируется крайне быстрыми темпами роста мозга после рождения. Во-вторых, кости черепа у нас срастаются только после рождения, так что, когда младенец протискивается через родовые пути, его головка может изрядно сжиматься и менять форму. «Роднички», то есть неокостеневшие участки черепа младенца, – это места соединения различных его костей. Часто через тонкие мембраны соединительной ткани мозга можно видеть, как пульсируют его кровеносные сосуды. Обезьяны рождаются с почти полностью заросшими родничками, но у людей они остаются широкими и подвижными. То, что при рождении головка человеческого младенца из-за этого имеет вытянутую форму, – всего лишь задуманный природой способ протиснуть малыша в родовые пути, не повредив ткани головного мозга.

Две эти особенности помогают головке малыша проходить через родовые пути, но никак не компенсируют тот факт, что человеческие младенцы еще и довольно крупные по сравнению со своими матерями¹⁸. Обычно у мелких животных детеныши сравнительно крупные, а у крупных животных – сравнительно небольшие. Как ни странно, у людей, вскармливаемых довольно крупных, дети по сравнению с весом матерей рождаются относительно большие. Так

¹³ Berge et al., 1984.

¹⁴ Tague and Lovejoy, 1986.

¹⁵ В научном сообществе сейчас идут споры о том, как протекали роды у австралопитеков. Лейтнеггер утверждает, что процесс протекал легко, почти как у высших приматов (Leutenegger, 1972; Leutenegger, 1982); Макгенри думает, что он больше походил на роды у современных людей (McHenry, 1986); а Таг и Лавджой выдвигают гипотезу, что он был совершенно не похож на то, как проходят роды у всех известных нам видов приматов (Tague and Lovejoy, 1986; Lovejoy, 1988). Прекрасный обзор этого научного спора см. в Rosenberg (1992).

¹⁶ Fleagle, 1988.

¹⁷ Leutenegger, 1972; Jordon, 1976.

¹⁸ Leutenegger, 1982.

что проблему вызывает не только большая голова младенца, но и плечи и размер всего его тельца вообще. Еще важнее то, что младенцы, некогда свободно проходившие через родовые пути, в процессе их адаптации к прямохождению стали входить в них туго, словно пробка в бутылку. Поэтому им пришлось приспособиться еще в одном – в том, каким способом они проходят через настолько тесные пути. Младенцам приходится изгибаться и изворачиваться, прижимать подбородок к груди и появляться на свет лицом вниз. Человеческий таз – не прямой тоннель, как у других животных; вход в родовой канал – то место, через которое младенец в него проникает, – имеет поперечно-овальную форму. Средняя часть родового канала вытянута от лобковой кости к крестцовой, а выход имеет форму окружности. Кроме того, крестец выгнут внутрь, в результате чего средняя часть родовых путей – там, где младенец должен пройти мимо одновременно крестца и лобковой кости, – становится их узким местом¹⁹. Поэтому младенец входит в родовые пути лицом вбок, поворачивается, чтобы пройти через среднюю часть, отгибает голову, чтобы протиснуться мимо крестца, и в итоге выходит лицом вниз. Поскольку выход родового канала направлен больше назад, чем вниз, ребенку также приходится немного выгибаться и выходить под углом, лицом к спине матери. Тем же путем следуют и его плечи – опускаются и поворачиваются; но поскольку головка малыша на тот момент уже находится снаружи, малышу приходится выполнять плечами и шеей упражнение на скручивание, достойное профессионального гимнаста²⁰.

Последствия родов

Вот так и возникло чудо родов у человека – болезненный, сложный процесс, сжимающий головку малыша, как комок пластилина, и доставляющий матери невероятные мучения. И теперь мы знаем достаточно, чтобы ответить на вопрос, почему наши дети рождаются настолько беспомощными. С не до конца развитым мозгом они рождаются оттого, что человеческий таз уже не может расширяться или увеличиваться дальше, иначе женщины просто не смогли бы ходить. Болезненные роды и беспомощные дети – это эволюционный компромисс между прямохождением – эволюционно полезным качеством, закрепившимся у нас первым, – и происшедшим позднее увеличением мозга.

Антропологи Карен Розенберг и Венда Треватан указывают на то, что последствия этого компромисса не ограничиваются механикой родов, но сказываются на поведении человека и человеческом обществе²¹. Узость и извилистость родового канала делают роды процессом долгим и трудным как для матери, так и для малыша. Их травмирующее воздействие сказывается на том, как чувствует себя женщина после родов физиологически и психологически. И сами младенцы после такого тяжелого испытания появляются на свет тоже довольно измотанными и обессиленными. Настолько непростые, мягко говоря, роды могут объяснить разницу протекания этого процесса у людей и у прочих приматов. Двое исследователей, Вивика Анзорге и Курт Хаммершмидт, наблюдавших за родами у обезьянки-магота, описывали их как сравнительно быстрые, хотя и не безболезненные²². Обезьяна-мама, карабкаясь на дерево вслед за остальной стаей, чтобы устроиться на ночлег, по пути несколько раз останавливалась и делала движения ногами – своего рода танец, показывавший, что с ней что-то не так. Она приседала на корточки, раз за разом трогала промежность и издавала низкие звуки, которые исследо-

¹⁹ Rosenberg, 1992; Rosenberg and Trevathan, 1995/96.

²⁰ Последние исследования показывают, что у других приматов младенцы при родах тоже поворачиваются. Мелисса Столлер из Чикагского университета проводила рентгеновское обследование рожающих самок саймири и бабуинов и обнаружила, что некоторые детеныши действительно поворачиваются. Однако их вращение, насколько можно судить, не следует очертаниям внутреннего строения костного таза (Culotta, 1995).

²¹ Trevathan, 1987; Rosenberg, 1992.

²² Hammerschmidt and Ansorge, 1989.

ватели охарактеризовали как «стоны». В конце концов она потянулась рукой сзади и подхватила малыша, который как раз выходил наружу. Обезьянка прижала его к груди, и малыш стал повизгивать. Но уже через пару минут самка – бесспорно, все еще довольно некрепко державшаяся на ногах – вернулась к своим занятиям. У нас есть очень мало описаний того, как проходят роды у приматов, потому что животные чаще всего рожают ночью или рано утром. Люди тоже чаще всего рожают детей поздней ночью, но в их случае у этого события почти всегда имеются свидетели²³. Розенберг и Треватан высказывают предположение, что практика присутствия при родах – это на самом деле эволюционная стратегия, необходимая нашему виду, потому что человеческие матери менее приспособлены помочь самим себе при родах, чем самки обезьян. Женщина испытывает сильную боль, роды протекают медленнее, а младенец появляется лицом вниз. Ей нужно, чтобы кто-то подхватил младенца и прочистил ему рот и нос. Ей нужно, чтобы кто-то подал ей малыша, а потом, если это будет необходимо, вытянул наружу плаценту. Венда Треватан называет это «принудительным акушерством», имея в виду, что при родах нам приходится прибегать к чужой помощи, потому что с такой формой таза и такими крупными младенцами иного выбора у людей нет²⁴. Так что у людей рождение ребенка – событие не просто биологическое, но и социальное. Женщине нужна помощь семьи и друзей, и это подчеркивает, насколько важно для нашего вида межличностное взаимодействие с самого нашего появления на свет.

²³ Trevathan, 1987.

²⁴ Trevathan, 1987. См. также Barash, 1979; Rosenberg, 1992.

Последствия зависимости младенцев

Наш с вами таксономический отряд – приматов – отличает от других животных то, насколько важную роль играет во всех сферах нашей жизни общение, и особенно те необходимые долговременные аффилиативные взаимоотношения, которые устанавливаются между родителями и их детьми. То, как мы, приматы, кормим, носим и оберегаем своих малышей, и то, что период ухода за ними у нас длится дольше, чем у любого другого живого существа, – просто поразительно. По сути, напряженный и продолжительный период ухода за ребенком – одна из наиболее характерных черт нашего отряда вообще и важное отличительное свойство людей в частности.

Привязанность родителей и детей

Эволюция заставила родителей-людей ухаживать за своими детьми, а детей – обращаться за помощью к своим родителям. Эта взаимная потребность друг в друге, в свою очередь, выражается в чувстве, которое мы называем привязанностью. С точки зрения естественного отбора привязанность логична. Наши предки были социальными приматами, животными, которые нуждались друг в друге для выживания. То, что социальность у приматов выражается в крайне интерактивной форме, даже стало для нашего таксономического отряда его отличительной особенностью. Мы – не просто скопление мартишек, шимпанзе или людей, но отдельные группы, члены которых, как правило, большую часть времени проводят вместе, трогая друг друга, сидя рядом и вместе перемещаясь²⁵. Мы узнаём друг друга по внешности и голосу и постоянно заняты мыслями друг о друге. И поскольку мы – социальные животные, для которых взаимоотношения чрезвычайно важны, объяснить и понять, что такое привязанность, для нас не составляет труда. Испытывать привязанность к кому-либо – это значит хотеть быть с ним, чувствовать себя комфортно в его присутствии, влюбляться. Вот и получается, что для родителей, детей, супругов и родственников отношения привязанности – это норма, и мы заранее ожидаем, что в жизни нам предстоит вступить во всевозможные их разновидности.

Мы также предполагаем, что узы привязанности каким-то образом формируются в момент рождения и что главной и наиболее фундаментальной их разновидностью является привязанность друг к другу матери и младенца. Ведь, в конце концов, это – тип связи, наиболее привычный для всех живых существ, у которых родители проявляют хотя бы минимальную заботу о потомстве. Кошки, например, которые в норме большую часть жизни проводят обособленно, некоторое время испытывают глубокую привязанность к своим котяткам, и даже самая недружелюбная кошка оказывается довольно приличной матерью. Естественный отбор связал мать и детеныша, потому что эти отношения необходимы. Некоторые детеныши рождаются самодостаточными, но большинство нуждаются в том, чтобы их научили ходить или летать и отличать съедобное от несъедобного. Поэтому самки в большинстве своем запрограммированы любить своих детенышей; а детеныши в большинстве своем запрограммированы привязываться к матерям. Эволюция сделала так, чтобы матери и детеныши привязывались друг к другу, чтобы матери кормили и защищали своих детенышей, а детеныши держались поближе к своим матерям, чтобы получать от них пропитание и защиту.

²⁵ Jolly, 1986.

Человеческие дети появляются на свет с неразвитой нервной системой и, в отличие от других млекопитающих и приматов, очень зависимыми от тех, кто о них заботится (фото Д. Хэтч)

От эволюционной обусловленности перейдем к рассмотрению эмоционального аспекта привязанности. У людей связывающие мать и дитя узы обычно почитаются священными – лучшим, важнейшим и наиболее естественным видом привязанности. Нет картины сентиментальнее, чем изображение самки какого-либо животного со своими детенышами; в жанре «мать и дитя» даже гиены и летучие мыши выглядят трогательно. В человеческом же обществе матери и дети занимают наиболее чтимое положение. У нашего с вами вида взаимоотношения матери и ребенка так долго считались чем-то само собой разумеющимся, что немногие задумываются о сути этих отношений или даже спрашивают себя, а не являются ли они фикцией, учитывая, как далеко мы, якобы, отошли от чисто животного поведения.

Связь

В исследовании поведения животных термин «связь» был введен в употребление группой европейских ученых, занимавшихся дисциплиной зоологии, известной как этология. В 1935 году зоолог Конрад Лоренц, наблюдая за животными, доказал наличие врожденной связи между новорожденными гусятами и тем, кого они воспринимают как свою мать. Гусята и прочие птенцы типа цыплят и утят привязываются к первому объекту, который они видят, вылупившись из яйца. В эксперименте Лоренца первым живым существом, которое они видели, был сам экспериментатор, и именно он стал восприниматься ими как их мать; гусята ориентировались на него и всюду за ним следовали²⁶. Однако обычно первым существом, которые видят птенцы, оказывается их мать. Этот механизм, называемый «запечатлением», хорошо подходит тем видам, у которых детеныши вылупляются сразу большой группой и должны немедленно привязаться к взрослой особи, у которой они будут искать пропитания и защиты. В слу-

²⁶ Lorenz, 1935.

чае запечатления связь по большей части устанавливает сам детеныш, и именно на нем лежит ответственность за ее поддержание. Важно, что запечатление происходит в специальный промежуток времени, когда детеныш запрограммирован привязываться к любому движущемуся объекту, и когда момент этот прошел, привязаться к кому-либо другому его уже не заставишь.

Запечатление чаще всего встречается у зрелорожденных (то есть физически и поведенчески более независимых) видов, чьи детеныши могут сразу и видеть, и передвигаться. У незрелорожденных, то есть более беспомощных, чьи детеныши не могут видеть и передвигаться самостоятельно, связь с младенцем устанавливает сама мать²⁷. Например, у самок крыс поведение матери обусловлено гормонами; чтобы начать правильно взаимодействовать с новорожденными крысятами, в организме самки должны присутствовать определенные гормоны, которые начинают вырабатываться во время беременности. Ученые доказали, что именно они запускают это поведение, вводя крысам пролактин, окситоцин и другие гормоны, которые вызывали материнское поведение у никогда не беременевших самок, и блокируя эти гормоны у беременных крыс, которые затем не знали, как им себя вести с новорожденными крысятами²⁸. Хотя для грызунов постоянное присутствие рядом детенышей и является стимулом, необходимым для долгосрочного поддержания у матерей соответствующего поведения, первоначальная их инстинктивная реакция на детенышей является реакцией на гормоны²⁹. При этом у некоторых видов реакция эта может запуститься только в пределах определенного, решающего промежутка времени. Изучение овец и коз показало, что для запечатления у самки облика и запаха детеныша она должна увидеть его в течение первых нескольких минут после рождения³⁰. Если лишить ее возможности сразу же установить связь со своим детенышем, она не признает его, даже если малыша забирали всего на несколько часов. У этих животных связь между матерью и детенышем устанавливается сразу же после родов, и для видов, где беременные самки в норме живут в большом стаде (где вполне реальна опасность перепутать детенышей) или в местности с множеством хищников (от которых детенышей нужно защищать с самого их рождения), это кажется логичным³¹. Стало быть, внимательность матери к своему новорожденному детенышу у некоторых животных напрямую обусловлена их природой; а у многих видов на установление этой связи отведен конкретный, решающий промежуток времени.

Роль биологии в установлении связи у людей и других приматов доказать намного сложнее. На заре исследований Фрейд считал, что связь «мать – дитя» берет свое начало исключительно в отношениях вскармливания³². Он считал, что связь устанавливает младенец, когда тот присасывается к груди мамы в поисках пропитания, а женщина на это лишь реагирует. Последующие теоретики считали, что механизм привязанности матери и ребенка строится на комбинации чувства голода и облегчения боли и дискомфорта и что мать лишь играет роль нейтрального стимула, на который младенец проецирует свои потребности. Иными словами, они считали, что это младенец отвечает за то, чтобы установить и поддерживать связь со своей матерью. Женщина же, реагируя на потребности младенца и воспринимая их как источник удовлетворения, лишь подкрепляет свою роль кормилицы и защитницы.

В 1960-х психолог Гарри Харлоу доказал, что у приматов пропитание и снятие дискомфорта почти никак не связано с природой и силой связи «мать – дитя». Харлоу забирал новорожденных детенышей макак-резусов у матерей и помещал их в клетку с двумя искусственными «матерями». Обе были изготовлены из дерева и проволоки и снабжены обезьяньими

²⁷ Trevathan, 1987.

²⁸ Lamb and Hwang, 1982.

²⁹ Обзорное исследование материнских реакций у крыс, мышей и кроликов см. в Insel, 1990; Rosenblatt, 1990.

³⁰ Klopfer, 1971.

³¹ Klopfer, 1971; Trevathan, 1987.

³² Trevathan, 1987.

масками. В одной были встроены соски, через которые поступало молоко, другая была без молока, но обита махровой тканью. Доктор Харлоу провел ряд повторяемых экспериментов, в ходе которых детеныши время от времени кормились у «матери» со встроенной бутылочкой, но все остальное время проводили, уцепившись за ту, которая была обита тканью³³. Таким образом, он эмпирически показал, что, хотя новорожденным детенышам приматов требуется пища, потребность в комфорте для них еще важнее. Что еще значимее, эти лишенные матерей детеныши макаков вырастали социально неадаптированными и сами становились неумелыми матерями; они были неспособны привязаться к своим детенышам, потому что сами никогда не устанавливали связь со своими матерями. Доктор Харлоу и другие пришли к выводу, что для приматов связь с кормящей матерью является неотъемлемым условием здоровья и нормального развития и моделью, по которой животное строит все прочие отношения привязанности.

Примерно в то же время психолог Джон Боулби готовил к печати свое исследование о главенствующей роли, которую играет связь «мать – дитя» в психологии человека³⁴. В первом томе своего труда о привязанности доктор Боулби доказывал, что отношения привязанности между матерью и ребенком возникли у нас давным-давно в ходе эволюции и роднят нас с прочими живыми организмами, размножающимися половым способом³⁵. Боулби считал, что тот тип привязанности, который специфичен человеческому виду, также является древним механизмом, что отношения, которые мы можем наблюдать сейчас, возникли у наших предков-гоминидов в период, который он называл «зоной эволюционной адаптированности»³⁶. Он предполагал, что связь эта вызывается врожденным стремлением матери защитить своего младенца и что плач или хныканье ребенка подкрепляют эту реакцию. С точки зрения Боулби, свою роль в этом процессе играет и теория запечатления этологов, потому что молодые матери оказываются чрезвычайно восприимчивы к своим младенцам по всем каналам чувственного восприятия, в том числе зрения, обоняния, слуха и особенно осязания. Иными словами, доктор Боулби предполагал, что связь «мать – дитя» выделилась в результате естественного отбора как модель поведения, помогавшая особям посредством привязанности и воспитания своих младенцев успешно размножаться и передавать свои гены. Матери, которые согревали, защищали и кормили своих младенцев, и младенцы, которые вызывали у своих матерей все эти виды поведения своим плачем или улыбкой, в конечном счете имели более высокие шансы добиться репродуктивного успеха. Взгляды доктора Боулби на феномен привязанности были однозначно эволюционистскими.

³³ Harlow and Harlow, 1965.

³⁴ Любопытное обсуждение того, как видоизменялось представление Боулби о привязанности, см. в Chisolm, 1996.

³⁵ Bowlby, 1969.

³⁶ Под зоной эволюционной адаптированности в наше время понимается период в 1,5 миллиона лет назад, когда от австралопитеков образовались первые представители вида Номо. Концепция зоны эволюционной адаптированности в наше время часто применяется группой психологов-эволюционистов, занимающихся исследованием того, почему мы ведем себя так, а не иначе. Эти ученые полагают, что большую часть нашего поведения можно объяснить, увязав его с эволюционными поведенческими адаптациями, происходившими в плио- и плейстоцене, когда впервые возник наш род (Barkow et al., 1992; Wright, 1994).

Отношения младенца и человека, который о нем заботится, определяемые биологической необходимостью, отличает взаимосвязь на психологическом и эмоциональном уровне (фото Д. Хэтч)

В наше время психологи и биологи-эволюционисты сходятся на том, что для матерей и младенцев привязываться друг к другу, устанавливать связь является естественным поведением, даже потребностью – то есть частью их эволюционной адаптации. Наличие связи видно по тому, что они постоянно находятся рядом, общаются друг с другом и испытывают эмоциональную привязанность. У нашего вида это особенно заметно, потому что дети у нас рождаются весьма зависимыми, нуждающимися в постоянной заботе, защите и обучении. Связь между матерью и младенцем является и частью нашей общей с приматами природы, и неотъемлемой частью и отличительной чертой природы человека.

Связь «мать – дитя» в истории человечества

На протяжении большей части истории человечества и в доисторический период детей сразу же после рождения выкладывали маме на живот. В наше время в большинстве культур это по-прежнему так. Более того, идея после рождения разлучать младенцев с матерями – полнейший нововед; она возникла лишь в последние 90 из по меньшей мере двух миллионов лет истории человеческого вида и лишь в странах Запада. Хотя детей у рожениц в больницах теперь забирают все реже и реже, вплоть до самого недавнего времени это являлось стандартной практикой; и даже сейчас новорожденных вскоре после родов временно забирают у матерей на обследование. Можно было бы сказать, что над теми из нас, кто в рамках западной

культуры родились в роддомах и кого после рождения забрали в палату для грудничков, был поставлен эксперимент по прерыванию обычной связи между матерью и ребенком. Вплоть до недавнего времени вопрос о том, давать устанавливаться этой связи или не давать, вообще не стоял и женщина никогда не попадала в ситуацию, где порядок ее взаимоотношений с младенцем ставился бы под сомнение. Откуда же взялась эта практика разлучения?

В 1896 году изобретатель Мартин Куни разработал инкубатор – устройство, задуманное помогать преждевременно рожденным малышам. Куни первым предложил разлучать ребенка с матерью в качестве медицинской процедуры, призванной способствовать его здоровью. Он организовал целое шоу, смесь медицины и циркового представления, в котором собрал сотни недоношенных младенцев (в те времена сделать это было нетрудно, ведь врачи считали, что те и так не выживут), поместил их в инкубаторы и возил по различным выставкам и ярмаркам в Америке и Европе³⁷. Матерям их возвращали, только когда они набирали 2,2 кг веса, но до того женщин к ним не подпускали. (Посещать своих малышей он им не разрешал, но давал бесплатные билеты на свои представления.) На фотографии выставки Куни, сделанной в 1915 году в Сан-Франциско, видно кирпичное здание с вывеской во весь фасад: «Инкубаторы с живыми младенцами!» В здании находились ряды крошечных, похожих на микроволновки металлических ящиков, внутри каждого из которых помещался запеленутый младенец. В те времена это выглядело очень современно, гигиенично и стерильно, однако своих матерей эти младенцы и в глаза не видывали.

Обустроившись со своей выставкой на острове Кони-Айленд, славившемся развлекательными аттракционами, за несколько десятилетий своей деятельности Мартин Куни выводил тысячи преждевременно рожденных младенцев. Чтобы компенсировать расходы на уход за ними, он продолжал возить их на представления, в том числе на Всемирную выставку в Нью-Йорке на рубеже 1940-х. Изобретение Куни оказалось настолько успешным, что его взяли на вооружение по всей стране, построив при больницах палаты для недоношенных. И даже более того – практика эта стала обычным делом, в том числе и для нормальных новорожденных. Считалось, что быть разлученным с мамой и помещенным в инкубатор под наблюдением медсестер полезнее для здоровья малыша, чем оставаться с матерью.

Проблема привязанности возникла примерно тогда же, когда рожать в больнице стало модным. В конце XIX – начале XX века женщины в западных странах, чтобы сократить материнскую и детскую смертность, начали регулярно рожать в больницах. Для полностью доношенных младенцев переход от домашних к больничным родам оказался как подарком, так и проклятьем. С одной стороны, благодаря тому что врачи получили возможность контролировать кровотечение и заражения, материнская и детская смертность резко снизилась. С другой стороны, беременность и роды стали частью медицинской модели, то есть их теперь воспринимали как болезнь, требующую лечения, а не как естественный процесс. В результате решения теперь принимал медицинский истеблишмент, а не сами матери. Обычно женщин помещали в палаты рядом с кроваткой малыша, но с течением времени в больницах разразилась эпидемия инфекционных заболеваний, в особенности сепсиса. В качестве меры предосторожности врачи стали даже полностью доношенных младенцев разлучать с матерями и помещать в палаты для грудничков. Матерям удавалось лишь мельком увидеть своего малыша при рождении – при условии, что женщина при этом находилась в сознании и не под общим наркозом, – после чего младенца быстро уносили в палату для грудничков. Там младенцы находились в обогреваемых яслях под надзором медсестер, но при этом не получали почти никакого физического контакта. Врачи считали, что для младенцев это наиболее безопасная практика. Руководствуясь соображениями безопасности для здоровья, врачи и персонал больниц также контролировали и процесс родов; мысль об «установлении привязанности» и том, что из этого следует, им даже в

³⁷ Klaus and Kennell, 1976.

голову не приходила. Плановые больничные роды включали в себя правило, по которому грудничков из общей палаты возвращали матерям часов через 12 после родов, а затем – только по расписанию, для кормления.

В 1960-х годах процесс проведения родов в странах Запада стал постепенно революционизироваться. Под влиянием теории привязанности Джона Боулби и опытов на младенцах макак Гарри Харлоу врачи начали осознавать важность физического контакта для установления связи и младенцев перестали в обязательном порядке забирать в палаты для грудничков. Феминизм 1970-х, способствовавший реализации женщинами своих желаний, продвинул эту революцию еще на шаг дальше, оказав поддержку тем медсестрам и матерям, которые требовали вернуть мать и отца в жизнь новорожденного. В 1976 году два акушера, Маршалл Клаус и Джон Кеннел, на основе проведенных ими исследований выдвинули гипотезу о наличии во взаимоотношениях матери и ребенка решающего – и ограниченного по времени – начального послеродового этапа установления привязанности. Они обнаружили, что недоношенные дети чаще становятся жертвами насилия и хуже набирают вес; Клаус и Кеннел предположили, что, поскольку те родились преждевременно, были забраны у своих матерей и изолированы в палатах для грудничков, у них случился разрыв в нормальных отношениях «мать – дитя». Исследователи обнаружили, что хотя недоношенными рождаются только 7-8 % всех младенцев, среди избиваемых детей доля преждевременно рожденных составляла от 25 % до 41 %. Они высказали догадку, что к тому моменту, как этих детей вернули родителям, они уже пропустили решающий этап для установления привязанности и что вследствие этого у этих пар «мать – дитя» отсутствовала базовая позитивная связь, обеспечивавшая им здоровый эмоциональный и физический контакт. Клаус и Кеннел также оценили, сколько времени проводили разные женщины со своими новорожденными, и обнаружили, что те из них, кто после родов имели ранний контакт (в первые минуты или часы) с младенцем, при последующих осмотрах педиатра вели себя внимательнее по отношению к своим малышам и больше с ними взаимодействовали³⁸. Критики отмечали, что характер поведения на осмотре педиатра едва ли может служить объективной мерой силы привязанности матери к своему младенцу³⁹. Однако исследование Клауса и Кеннела подчеркнуло потребность младенца во взаимодействии с матерью сразу после родов или пребывании с нею в противоположность изоляции в палате для грудничков⁴⁰.

В 1978 году даже руководство консервативно настроенной Американской медицинской ассоциации объявило, что их официальная программа в отношении матерей и новорожденных ставит своей целью установление связи «мать – дитя» и что способствование этому является важным компонентом процесса родов⁴¹. В роддомах теперь признают, что связь эта действительно устанавливается сразу после родов и что медицинскую помощь младенцам можно осуществлять, не отрывая их от матерей. В результате использование совместных палат, где мамы и их малыши находятся вместе, теперь зачастую становится частью медицинской модели беременности и родов. Идея, что матери – и отцы – должны установить со своим ребенком узы привязанности как можно скорее после его появления на свет, теперь повсеместно принимается нашей культурой и одобряется медиками. Спустя примерно девять десятилетий, в течение которых эти узы игнорировались, отрицались, разрушались и «научно» пересматривались, западная культура наконец вернулась к восприятию матери и ребенка как естественной пары.

³⁸ Kennell et al., 1975; Klaus and Kennell, 1976; Hales et al., 1977. Разница в поведении также наблюдалась у женщин из Гватемалы. Матери, испытывавшие ранний контакт со своими младенцами, во время осмотра педиатра чаще смотрели малышу в глаза, больше утешали его и трогали.

³⁹ Lamb, 1982; Lamb and Hwang, 1982; Goldberg, 1983; Trevathan, 1987.

⁴⁰ Klaus and Kennell, 1976; Klaus and Kennell, 1976; Lamb and Hwang, 1982.

⁴¹ Trevathan, 1987.

Узы, которых нет?

Упомянутая революция основана на убежденности в том, что привязанность между матерью и младенцем возникает сразу же после родов и что эта связь жизненно необходима для их нормального психологического развития. Как именно развивается эта связь или как вообще она возникает, нам неизвестно. Однако все – начиная от родителей и заканчивая врачами – усвоили выводы ученых-этологов и теперь уверены, что эта связь существует и она важна, и, подобно тому, как это происходит у некоторых других видов, она обязана устанавливаться в некий ограниченный промежуток времени после родов. Люди на Западе перешли от «научно обоснованной» уверенности в том, что, если позволить новорожденным контактировать с матерями, те заразят их бактериями (что послужило поводом забирать их и держать в отдельных палатах), к другому «научно обоснованному» убеждению – в том, что, если детям не давать сразу же после родов контактировать с матерью, это нанесет им – и их матерям – психологический и эмоциональный вред. Но существует ли на самом деле у людей этот биологически обусловленный период для установления связи?

Клинически доказано, что у крыс, коз и овец в процессе родов происходят гормональные изменения, провоцирующие их на материнское поведение. Никто не отрицает, что в организме женщины в процессе схваток и родов также происходят гормональные изменения. Во время беременности в крови женщины высок уровень циркулирующего прогестерона, так называемого гормона беременности, который вырабатывается сначала яичниками, а затем плацентой. На последних неделях беременности в ее крови растет уровень эстрогена, а высокий уровень эстрогена незадолго перед родами провоцирует выброс окситоцина и простагландинов. Уровень эстрогена и прогестерона после родов резко падает, а пролактин, сигналом к выработке которого служит сначала падение уровня эстрогена, а затем стимуляция сосков, растет⁴². Пролактин и окситоцин оба играют роль в процессе лактации, и пока женщина продолжает кормить грудью, их содержание в крови остается высоким. И хотя по этому описанию кажется, что гормональный фон женщины зашкаливает и с организмом ее в процессе родов с очевидностью происходят разительные физиологические изменения, никаких доказательств того, что какое-либо из этих изменений, как у грызунов, провоцирует у нее специфически материнское поведение, нет. Ученые кололи матерей шприцами, мучили анализами, наблюдали за ними и осматривали, но так и не нашли никакой прямой взаимосвязи между каким-либо конкретным гормоном и стремлением к материнскому поведению.

Учитывая, что люди – это приматы, а не грызуны, отсутствие у нас специального гормона материнства не представляется таким уж странным. Исследования макак показали, что выращенные, но хорошо приспособленные к неволе взрослые самки готовы в любой момент принять новорожденного детеныша, то есть начать о нем заботиться; для проявления соответствующего материнского поведения им не обязательно проходить через связанные с родами гормональные и физиологические изменения⁴³. Даже те самки, которые никогда не были беременны, хотя и испытывают первое время некоторую неловкость от того, что им вручили незнакомого детеныша, через какое-то время берут над ним шефство. Сотрудники Калифорнийского центра исследования приматов при Калифорнийском университете в Дэвисе годами пользовались этой врожденной поведенческой гибкостью обезьян-самок, чтобы облегчить себе задачу ухода за ними; они регулярно забирали часть детенышей, рождавшихся в вольерах, и меняли их на тех, кто появлялся на свет у самок, которых содержали неподалеку в клетках. Целью этого приема, названного ими «перекрестным воспитанием», было ограничение род-

⁴² Lamb and Hwang, 1982; Warren and Shortle, 1990.

⁴³ Lamb and Hwang, 1982; Warren and Shortle, 1990.

ственного спаривания – часть младенцев перемещали из одной группы в другую, как если бы они были уже взрослыми обезьянами, готовыми к переселению. Процент детенышей, успешно принятых приемными матерями, был высок; примерно 85 % самок в конце концов принимали чужого младенца и растили его как собственного⁴⁴. Однако ученые обнаружили, что для успешной подмены существует некий решающий промежуток времени длиной в несколько недель. Как только мать узнает своего детеныша и привязывается к нему, ее уже не обманешь, подложив ей чужого. Так что, хотя макаки и привязываются к своим малышам и сила их привязанности ими неоднократно демонстрировалась, связь эта не обязательно мгновенна или гормонально запрограммирована на запечатление одного конкретного младенца⁴⁵. Отнюдь: насколько можно судить, привязанность эта устанавливается постепенно в ходе разнообразных видов общения, привязывающих мать к ребенку и наоборот.

Как отмечает психолог Майкл Лэмб, абсурдно думать, что у вида типа нашего или у других приматов со сложными социальными отношениями, где родители принимают на себя долговременные обязательства по уходу за потомством, функция установления первоначальной связи между матерью и младенцем отводилась бы нескольким решающим минутам после родов⁴⁶. В организме матери происходят важные гормональные изменения, которые влияют на ее самочувствие, но ни одно из них не оказалось неотъемлемым условием установления привязанности, как в случае крыс или овец. Человеческие младенцы настолько беспомощны, что естественный отбор наверняка должен был бы поставить в невыгодное положение особей с узким временным окном для материнского запечатления и младенческой привязанности и отдать предпочтение особям, проявлявшим в этом вопросе большую гибкость. Не существует таких аспектов родительства, в которых поведение человека было бы жестко задано, и потому маловероятно, чтобы такая важная задача, как установление связи между беспомощным младенцем и заботящимся о нем взрослым, возлагалась на гормональные раздражители и фиксированные поведенческие реакции. У гусят образ матери запечатлевается сразу же после рождения оттого, что у птенцов мало времени на то, чтобы научиться всему необходимому для самостоятельной жизни; у крыс самки запрограммированы на материнское поведение по той же самой причине. Это – виды с коротким периодом ухода за детьми, и их детенышам для обретения независимости нужно выучиться сравнительно немногому. Но у приматов, и особенно у людей, период развития занимает годы и детенышам для самостоятельного выживания требуется научиться очень многому. Стало быть, нелогично было бы требовать от матерей, чтобы они привязывались к своим малышам сразу же после родов и никак иначе. Напротив: феномен приемных детей – и, несмотря ни на что, глубоко привязывающихся к своим детям отцов (которые, естественно, при их рождении ни через какие гормональные изменения не проходили) – доказывает, что у людей привязанность является не просто автоматической реакцией организма. Нам также очевидно, что эту связь могут прервать или вовсе не дать ей установиться социальные и психологические факторы. Антрополог Нэнси Шепер-Хьюз изучала матерей, живущих в бразильских трущобах, и была шокирована тем, что эти женщины часто оставляют некоторых из своих детей чахнуть и умирать⁴⁷. Живя в полной нищете, эти женщины, похоже, сознательно отказывают в заботе больным или слабым детям. Если считается, что младенец скорее всего не перенесет жизненных испытаний, матери находят оправдания тому, чтобы не заботиться о нем, и делают это, не испытывая по этому поводу страданий. Иными словами, они не тратят силу привязанности на детей, которые скорее всего умрут в младенчестве; отношения привязанности – не данность, но что-то, что даруется жизнеспособ-

⁴⁴ Smith, 1986.

⁴⁵ Holman and Goy, 1979.

⁴⁶ Lamb and Hwang, 1982.

⁴⁷ Scheper-Hughes, 1985; Scheper-Hughes, 1992.

ным детям. Исследования других культур показали, что идея монотропной привязанности – то есть что один взрослый одновременно испытывает привязанность только к одному младенцу – не отражает всего диапазона человеческих отношений. Специалист по детскому развитию Эдвард Троник с коллегами продемонстрировали, что в племени пигмеев эфе о младенце заботятся сразу несколько взрослых и что отношения «младенец – взрослый» могут принимать более общинный характер⁴⁸. Ребенок в этом племени в первые четыре месяца жизни 50 % времени проводит не со своей матерью и за час успевает повзаимодействовать с пятью и более разными взрослыми. Его также вскармливают сразу несколько кормящих женщин. Младенец однозначно узнает своих мать и отца, но находится на попечении у целого штата взрослых. В обществе, где высшей ценностью является община, подобные многогранные привязанности формируют тесную сеть взаимоотношений – младенцы привязываются сразу к нескольким взрослым, а взрослые – сразу к нескольким младенцам.

Связь между взрослым и младенцем является результатом общения и взаимного внимания друг к другу. Подобно любой человеческой привязанности, взрослого и младенца изначально сводит друг с другом физиологическое стремление, но отношения привязанности между ними возникают за счет именно совместного общения. В этом смысле решающим оказывается все время, проведенное ими в обществе друг друга.

Клаус и Кеннел призывают давать матерям и младенцам как можно раньше начинать общаться, не сразу унося новорожденного и потом принося его для кормления на подолыше. Они хотели бы, чтобы в первые несколько дней после родов у мамы и малыша было дополнительно еще несколько часов для контакта. Конечно, некоторые из их критиков спорят с тем, что родители и дети нуждаются в некоем фиксированном объеме общения непосредственно после родов. И в некотором смысле они правы – связь между взрослым и младенцем не является сугубо физиологической и инстинктивной. Но критики эти упускают одно важное обстоятельство: никакое разлучение не проходит бесследно⁴⁹. Поскольку у приматов установление привязанности – это продолжительный процесс, любое разлучение младенца с матерью нарушает естественный ход их взаимодействия. И хотя никакого «решающего периода» для установления привязанности у них может и не быть, в период после родов матери и младенцы однозначно предрасположены к развитию новых взаимоотношений. Родители готовы узнать своего малыша, и радостное ожидание его появления готовит их к тому, чтобы увидеть, почувствовать и услышать все, что он может им «сказать». В этом смысле не гормоны или физиология подталкивают матерей к тому или иному поведению; скорее они стремятся к этому на волне эволюционно обусловленных эмоций, призванных делать так, чтобы взрослые влюблялись в своих малышей.

Все эти ученые, авторы книг по воспитанию, консультанты и исследователи, похоже, не замечают того факта, что благодаря культуре (в форме установок медицинского истеблишмента) природа человека подверглась определенному влиянию. Миллионы лет самки нашего вида рожали младенцев и прикладывали их к груди. Они носили их с собой и помогали найти сосок. Когда, с какой силой и каким образом – физически или эмоционально – устанавливать с ними связь, никогда не обсуждалось, потому подобная близость воспринималась ими как само собой разумеющееся⁵⁰. И во всех культурах, кроме западной, это и по сей день так.

⁴⁸ Tronick et al., 1992.

⁴⁹ Lamb, 1982.

⁵⁰ Антрополог Венда Треватан, сравнивая, как рожают и ухаживают за своими детьми женщины латиноамериканского и не латиноамериканского происхождения в штате Техас, опрашивала их, когда и с какой частотой они начинают появляться в обществе после родов. Она оказалась не в состоянии сравнить данные двух групп, потому что латиноамериканки, хотя и появлялись в обществе, не понимали самой концепции «выходить в свет без ребенка». Уходить, оставляя ребенка с кем-то еще, как что-то нормальное приходило в голову только американкам не латиноамериканского происхождения (Trevathan, 1987).

Материнские и отцовские инстинкты

Данные всемирной переписи населения показывают, что у 85 % женщин в возрасте старше 40 лет есть дети; то есть 85 % женщин, прошедших через детородный возраст, рожали детей⁵¹. У мужчин этот показатель неизвестен, потому что мужчины могут иметь детей вплоть до старости, но предполагается, что процент мужчин с детьми не ниже этих 85 %. Иными словами, даже во времена контроля рождаемости и обеспокоенности взрывным ростом народонаселения большинство людей размножаются и становятся родителями. И хотя матери биологически и не запрограммированы привязываться к своим младенцам в решающие несколько минут или часов после родов, а отцы не проходят через те же гормональные изменения, которые могли бы сблизить их со своими отпрысками, было бы странно, если бы эволюция каким-то образом не гарантировала бы, чтобы родители и их дети «спевались». Поэтому я задаюсь вопросом: существует ли родительский инстинкт, некое животное стремление определенным образом вести себя по отношению к младенцам, которое способствовало бы установлению необходимой связи между родителями и их детьми?

Существует ли материнский инстинкт?

Не каждая женщина хочет заводить детей, и не каждая родившая женщина становится хорошей матерью. Но есть свидетельства того, что женщины, прошедшие через беременность и роды, ведут себя по отношению к своим новорожденным сходным образом. Это дает повод предполагать, что определенные аспекты материнского поведения строятся на некой общей для нашего конкретного вида модели. Например, почти все матери, впервые видя своего новорожденного малыша, дотрагиваются до него одним и тем же образом – сначала пальчики, затем ладошки, потом ручки и ножки и наконец тельце. Все матери устраиваются так, чтобы взглянуть малышу в глаза⁵². Менее очевидна биологическая подоплека этих универсалий материнского поведения. Например, не существует устойчивой связи между уровнем гормонов и отношением беременных и недавно родивших к детям. Похоже, что беременность или роды не меняют отношение женщины к тому, какой она, как ей кажется, будет матерью, или к детям вообще. Единственное отличие, как заметили исследователи, заключается в том, что беременные женщины начинают привязываться к своему ребенку во втором триместре (обычно когда малыш начинает шевелиться), и происходит это даже у тех матерей, для которых беременность была источником негативных эмоций⁵³. У беременных женщин также учащается ритм сердцебиения, когда они слышат плач чьего-либо младенца⁵⁴ – хотя исследователи, наблюдавшие за поведением беременных женщин в очереди на прием у доктора, не обнаружили, чтобы те посматривали на младенцев и детей чаще, чем это делали не беременные⁵⁵.

Возможно, что кортизол – гормон, выделяющийся при стрессе, – может повышать у матерей бдительность и помогать настроиться на своего новорожденного малыша. Кортизол важен для реакции «бороться или бежать» – быстро проникая в клетки, он повышает восприимчивость организма к внешним раздражителям и готовит его к тому, чтобы на них отреагировать. В этом смысле переживающих стресс из-за трудных родов матерей высокий уровень кортизола в крови может настраивать на то, чтобы воспринять запах, ощущение и все прочие аспекты

⁵¹ New Book of World Rankings, 3rd Edition, 1991.

⁵² Trevathan, 1987.

⁵³ Fleming, 1990.

⁵⁴ Bleichfield and Moely, 1984.

⁵⁵ Feldman and Nash, 1978.

облика новорожденного и так или иначе на эти сигналы отреагировать. Например, в одном исследовании обнаружилось, что матери с высоким уровнем кортизола в крови больше разговаривают со своими младенцами, чем все остальные; однако неизвестно, является ли это всего лишь разницей в том, как некоторые женщины справляются с родами, особенностями их личности или ничего не значащей статистической помехой⁵⁶.

У других животных, особенно грызунов, окситоцин играет важную роль во всевозможных отношениях привязанности, в том числе и материнском поведении⁵⁷. Но хотя у только что родивших женщин концентрация окситоцина в крови чрезвычайно высока, исследователи не обнаружили у людей прямой зависимости между уровнем окситоцина и материнским поведением. Однако возможно, что существует некое взаимодействие между физиологической стороной грудного вскармливания, связанного с окситоцином и пролактином, и материнской заботой. Эти гормоны, в особенности пролактин, участвуют в выработке материнских бета-эндорфинов – тех самых веществ, которые вызывают ощущение покоя и подавляют враждебность, тревожность и раздражительность, одновременно побуждая человека проявлять нежность. Еще значимее то, что бета-эндорфины вызывают привыкание в том смысле, что они усиливают ощущения удовольствия⁵⁸. Не исключено, что кормление грудью неким образом стимулирует выработку бета-эндорфинов, но заслуживающих доверия документальных доказательств наличия подобного механизма все еще нет.

То, что матерям свойственна некая повышенная чувствительность, вызываемая физиологической либо эмоциональной реакцией, видно по тому, что вскоре после родов те уже могут узнавать своего малыша по одному лишь только запаху или голосу. Было несколько исследований, показавших, что матери, проведя со своими новорожденными всего несколько часов, уже могут узнать своего малыша по запаху, находя его распашонку среди чужих⁵⁹. Они также довольно хорошо слышат плач своего ребенка. Женщины в послеродовых палатах обычно не пробуждаются на плач чужих младенцев, но если рядом начинает плакать их собственный, немедленно просыпаются. Родившие женщины также хорошо различают плач собственного малыша на записи, где спектрограмма каждого голоса уникальна, как отпечатки пальцев⁶⁰. Они могут безошибочно различать записанные при разных обстоятельствах и проигранные им типы плача – просит ли младенец есть или сменить ему подгузник⁶¹.

Хотя это указывает на наличие у матерей врожденного инстинктивного навыка различения и взаимодействия с младенцами, содержание этого взаимодействия не является жестко заданным. Более того, все эти исследования показывают, что с течением времени матери научаются лучше различать своих детей на слух и по запаху и что женщины, у которых уже были дети, делают это лучше, чем молодые матери. Хотя некоторые из этих способностей и могут являться для женщин врожденными, навык и эффективность их применения приходят с практикой и опытом, что вполне ожидаемо для вида типа нашего, у которого обучение является важным компонентом поведенческих моделей. Даже материнское отношение – положительная реакция на детей и своего собственного младенца, которая должна была бы быть наиболее врожденным аспектом материнского поведения, – изменяется под действием жизненного опыта. В одном исследовании ученые провели с 68 женщинами по три интервью: один раз во время беременности, затем через три дня после родов и на втором году жизни их младенца. Все

⁵⁶ Fleming, 1990; Warren and Shortle, 1990.

⁵⁷ Insel, 1990; Insel and Shapiro, 1992.

⁵⁸ Kimball, 1979.

⁵⁹ Porter et al., 1983; Fleming, 1990.

⁶⁰ Formby, 1967.

⁶¹ Sagi, 1981.

опрошенные выказали однозначный прирост в позитивности отношения к своим малышам – со временем они начинали испытывать к ним все большую и большую привязанность⁶².

В том, что матерям, чтобы глубоко привязаться к своим детям, нужно их наблюдать, провести вместе с ними время и узнать их как личности, нет ничего удивительного. Мы с вами – сложные, наделенные эмоциями живые существа, и чтобы принять чужое «я», даже если половина генов у него ваша, требуется приложить некоторые усилия. Так что в поведении матери нет ничего с неизбежностью запрограммированного, даже если некий инстинкт и подсказывает ей быть открытой к новой привязанности. Матерям и их младенцам, хотя они и предрасположены к тому, чтобы вступить в отношения привязанности, с очевидностью требуется длительное общение, чтобы сделать эти узы по-настоящему крепкими.

Существует ли отцовский инстинкт?

Поскольку мужчины не рожают, считается, что привязанность отцов к детям должна быть слабее, чем у матерей. Для большинства млекопитающих это так. Самцы млекопитающих, например, в отношении к детям нечасто играют деятельную роль отца; фактор лактации означает, что помощь самца детенышу практически не требуется. Виды, у которых о детенышах заботятся оба родителя, составляют менее 5 % всех млекопитающих⁶³. Так что зоологи не предполагают у самцов наличия какого-либо инстинкта заботы о младенцах, и когда те о них все-таки заботятся, ученые всегда находят этому какое-то индивидуальное объяснение⁶⁴. Но иногда, когда уход за малышом требует много сил и самцы способны оказать в этом помощь, эволюция заставляет их участвовать в заботе о потомстве. Так, многие самцы птиц высиживают яйца и приносят птенцам пищу. Самцы некоторых рыб вынашивают оплодотворенные икринки, храня их во рту или складывая кучками в охраняемых ими укромных местах на дне рек. Человеческие младенцы настолько несамостоятельны, что можно предположить, что эволюция сама отвела мужчине роль заботливого отца как части базовой модели воспитания потомства. Более того, некоторые антропологи считают, что потребность в заботливом отце явилась одним из основных эволюционных факторов, сформировавших современную модель моногамного брака⁶⁵. Однако большинство людей верят больше в материнский инстинкт, чем в то, что мужчинами также может двигать некий инстинкт отцовства. Но если антропологи правы и одной из движущих сил эволюции нашего вида была потребность в заботливом отце, тогда мужчины должны были бы испытывать потребность заботиться о младенцах, сравнимую с женской.

Участие отца в уходе за младенцем может принимать всевозможные формы. Конечно, в плане лактации мужчины подкачали, но ведь кормление грудью – это лишь один из многих аспектов заботы о жизни и здоровье ребенка. У других животных самцы охраняют территорию; а там, где территория включает в себя источники пропитания (одна из главных причин охранять ее от вторжения), зачастую и отделяют часть пищи для детенышей и кормящих матерей. У гиббонов, живущих моногамными парами, самцы не носят детенышей и не защищают их, однако помогают самкам охранять территорию, что принципиально для поддержания их рациона из фруктов и овощей⁶⁶. У маргышек, крошечных обезьянок из Южной Африки, самцы

⁶² Fleming, 1990.

⁶³ Случаи заботы самцов о детенышах встречаются по большей части среди приматов, плотоядных и непарнокопытных и, как правило, ассоциируются со строгой моногамией, когда ухаживающий за детенышами самец уверен в том, что настоящим биологическим отцом является именно он (Clutton-Brock, 1991).

⁶⁴ Taub, 1984; Clutton-Brock, 1991.

⁶⁵ Alexander, 1990.

⁶⁶ Недавняя работа Райна Паломбита о гиббонах и сиамангах показала, что некоторые из ранее считавшихся моногамными пар и нуклеарных семей на самом деле представляют собой неоднородные пары сожительствующих животных. Доктор

носят детенышей практически с самого их рождения, и единственный вклад самок в уход за ними – это то, что они кормят малышей, когда самцы им их для этого на время передают⁶⁷. У прочих обезьян степень взаимодействия отцов со своими детьми варьируется. Некоторые, типа горилл, относятся к младенцам терпимо, но не уделяют им особого внимания; тогда как другие, например бабуины, часто носят малышей и играют с ними. Детско-родительские отношения могут принимать даже такие формы, как у обезьянок-маготов, у которых отцы используют детенышей в качестве пешек в статусных играх самцов, но при этом относятся к малышам очень заботливо⁶⁸. Ясно одно: самцы млекопитающих, в том числе некоторых видов приматов, способны обеспечивать своих детенышей всем тем же, что и самки, за исключением молока.

Во всех человеческих культурах стандартная модель семьи предполагает наличие кого-то, кто выполняет функцию отца (обычно это биологический отец либо родственник жены). В любом обществе мужчины эти ведут себя соответствующим данной роли образом⁶⁹. Антропологи полагают, что в обществах с крепким семейным укладом, где женщины участвуют в добыче пропитания, где родители и дети совместно занимаются хозяйством и преследуют общие цели и где мужчины не озабочены выполнением функции воинов, в воспитании детей биологический отец играет особую, важную роль⁷⁰. Чтобы тратить значительные силы на воспитание детей, такой мужчина должен быть уверен в том, что именно он является их отцом; поэтому во всех культурах есть многочисленные механизмы вроде законодательно утвержденного моногамного брака и жесткого наказания для неверных жен, призванные уверить отца в том, что живущие в его доме дети – его собственные. И хотя в разных культурах степень участия мужчин в воспитании детей разнится, потенциальный масштаб подобного участия весьма велик. Отцы могут обеспечивать пропитание, крышу над головой, защиту и повседневную заботу, и обычно именно так они и поступают. Также имеются свидетельства того, что мужчины способны сильно привязываться к своим детям и что естественный отбор заложил в наших мужчин возможность быть хорошими отцами.

Так, в некоторых традиционных обществах отцы настолько близко связаны со своими детьми, что даже демонстрируют симптомы беременности и родов. Феномен этот известен как «кувада» (от баскского слова для «высживания яиц»)⁷¹. В этих обществах мужчины страдают от токсикоза и должны подолгу отдыхать, чтобы набраться сил. В завершающий момент беременности односельчане укладывают кричащего мужчину-куваду в кровать, заботятся о нем, в то время как жена его рождает в каком-нибудь другом месте. И это не какой-то там дикий пережиток, сохранившийся в «примитивных» культурах. В Ежегоднике по внутренним болезням от 1982 года был опубликован отчет, демонстрировавший, что феномен кувады живет и здравствует и в нашей культуре. Ученые, исследовавшие 257 беременных пар, обнаружили, что 22,5 % отцов обращались к врачу с по меньшей мере одним необъяснимым симптомом, который они не испытывали прежде и который поразительно напоминал то, что испытывали их беременные жены: тошнота, вздутие живота и тому подобное⁷². Будущие отцы также в два раза чаще, чем делали это до беременности супруги, посещали своего врача и получали в два раза больше лекарств по рецепту, чем обычно. Как ни странно, в медицинских картах этих мужчин факт беременности их жен зафиксирован не был. В еще одном исследовании 65 % будущих

Паломбит также доказал, что не все эти пары являются строго моногамными. (Palombit, 1994 a, b).

⁶⁷ Wilson Goldizen, 1987.

⁶⁸ Taub, 1984.

⁶⁹ Yogman, 1982; Lamb, 1987.

⁷⁰ Whiting and Whiting, 1975; West and Konner, 1976; Yogman, 1990.

⁷¹ Lipkin and Lamb, 1982; Yogman, 1990.

⁷² Lipkin and Lamb, 1982.

отцов жаловались на неприятные физические симптомы и сообщали, что из-за беременности вынуждены были внести изменения в свой рацион или перестать курить⁷³.

После того как малыш появился на свет, новоиспеченные отцы, впервые видя своего младенца, испытывают все те же эмоции, что и матери; и когда им предоставляется такая возможность, ощупывают малыша по точно такой же схеме, как и матери – сначала пальчики, потом ладошки, ручки и ножки, а затем тельце. Разговаривая с младенцем, отцы, как и матери, говорят более высоким голосом и, точно как матери, начинают употреблять короткие, повторяющиеся фразы⁷⁴. В ответ на вопрос исследователей 90 % отцов утверждали, что могут с уверенностью узнать своего ребенка по одному только внешнему виду, хотя обычно не могут распознать его по голосу или различить на слух причину плача⁷⁵. В контролируемых лабораторных экспериментах, где совместная игра отцов и матерей с их младенцами записывалась на видео, отцы демонстрировали те же самые реакции на жесты малышей, что и матери, и ту же степень восприимчивости к детскому плачу⁷⁶. Другие исследователи снабдили группу матерей и отцов датчиками сердцебиения, кровяного давления и кожного сопротивления и показали им серию фотографий младенцев в различных эмоциональных состояниях – улыбающихся и плачущих. Отвечая по просьбе исследователей на письменные вопросы о своей реакции на эти фотографии, женщины описывали ее в более ярких красках. Но физиологические измерения продемонстрировали, что и отцы, и матери на самом деле реагировали на них одинаково. Это подтверждает представление о том, что, хотя физиологически отцы и матери реагируют на своих детей одинаково, у женщин вербальный компонент физической реакции намного более экспрессивен⁷⁷. Отцы иногда даже испытывают вместе со своими женами некую долю наступающей после первоначального эмоционального подъема послеродовой депрессии. 62 % опрошенных отцов сообщали, что переживают грусть и разочарование примерно в тот же момент, когда это начинается и у их супруг⁷⁸.

Сами младенцы, насколько можно судить, также не делают особых различий в реакции на своих маму и папу. В экспериментах, где за малышами следили, как они реагируют на маму, папу и постороннего человека, младенцы однозначно различали родителя и постороннего человека и демонстрировали это довольным или недовольным выражением личика или тем, фокусировались они на нем или отворачивались; однако на маму и папу они реагировали практически одинаково. Конечно, в стрессовых ситуациях младенцы больше реагировали на маму; но когда все было спокойно, завидев папу, они радовались ему ничуть не меньше⁷⁹.

В том, как отцы и матери взаимодействуют со своими малышами, есть свои различия. Во всех культурах отцы играют с детьми больше, чем матери, и идут на большие риски типа подбрасывания малыша на руках⁸⁰. Отцы также считают, что детям требуются более активные стимулы, чем это кажется матерям, что скорее всего объясняет, почему они больше с ними играют.

Хотя сильная привязанность между отцом и ребенком возвращается годами регулярного общения, присутствие мужчины при родах однозначно играет очень важную роль. Отцы, которые были вместе с женами в родильной палате, с большей уверенностью говорят о том, что чувствуют своего малыша, чем те мужчины, которые там не присутствовали, и постоянно

⁷³ Yogman, 1990.

⁷⁴ Yogman, 1990.

⁷⁵ Greenberg and Morris, 1974.

⁷⁶ Parke, 1979; Yogman, 1984; Yogman, 1990.

⁷⁷ Frodi et al., 1978.

⁷⁸ Zazlow, цит по in Yogman, 1984.

⁷⁹ Kotelchuck, 1976; Lamb, 1976.

⁸⁰ Yogman, 1982; Yogman, 1984.

отмечают мгновенный характер этой реакции⁸¹. Более того, возможно, что фактор присутствия при родах имеет эволюционное значение. Поскольку зачатие происходит незаметно для мужчины, а у людей ожидается, что отец будет вкладывать в воспитание своих детей немало сил, с точки зрения естественного отбора было бы логично отдавать предпочтение любым факторам, поощряющим установление связи между отцом и ребенком. Психологи-эволюционисты Мартин Дэли и Марго Уильсон провели весьма любопытное исследование того, какими видят своих детей их родители. Исследователи спрашивали мам и пап, на кого, как им кажется, похожи их малыши. Подавляющее большинство матерей ответили, что младенцы похожи на своих отцов⁸². А в присутствии супругов они делали это многократно, постоянно повторяя, как он похож на папу, даже когда сам мужчина с этим решительно не соглашался. Ученые говорят, что матери и отцы и даже члены их семей, похоже, вступают в неосознанный сговор с целью убедить мужчину, что ребенок – именно его, независимо от ситуации. И возможно, такое поведение не беспочвенно: немногочисленные генетические исследования, прослеживавшие подлинные родственные связи, показали, что не менее 10 % мужчин, значащихся отцами своих детей, не являются их биологическими родителями⁸³.

Психолог Джон Боулби считал, что отношения привязанности между родителем и ребенком монотропны, то есть родители от природы задуманы единовременно привязываться к одному младенцу, а дети способны сосредотачивать свое внимание только на одном родителе (как правило, матери). Но новые исследования показали, что это не так. Младенцы однозначно знают своих родителей лучше, чем всех остальных людей, даже когда отец большую часть времени не находится дома или когда мать подолгу отлучается, и испытывают привязанность к ним обоим⁸⁴. Очевидно также, что чем больше отцы общаются со своими малышами, тем больше они привязываются друг к другу. Реакции отцов при виде новорожденного младенца с их слов полностью совпадают с реакциями матерей; и когда им предоставляется такая возможность, они ощупывают его в той же последовательности, что и матери, начиная с пальчиков и выше; отцы, как и матери, так же начинают говорить более высоким тоном, и так же стараются завладеть вниманием младенца, говоря медленнее и более короткими модулированными фразами⁸⁵. И с точки зрения эволюции логично, чтобы мужские особи нашего вида были предрасположены к выполнению отцовских функций. Никто не отрицает, что матерей и их младенцев связывают особые отношения; именно женщины зачинают и вынашивают детей. Но эти девять месяцев – лишь небольшой отрезок времени в сравнении с продолжительным периодом детства и подросткового возраста, когда детям требуется помощь взрослых. Если природа задумала наш вид так, чтобы он заботился о своих зависимых детях – а ведь мы единственные живые существа, потомство которых находится на иждивении у родителей даже после достижения половой зрелости, – значит, естественный отбор должен был наделить отцов, как и матерей, качествами, обеспечивающими привязанность к собственным детям.

⁸¹ Greenberg and Morris, 1974.

⁸² Daly and Wilson, 1982.

⁸³ Diamond, 1992; Buss, 1994.

⁸⁴ Lamb, 1976.

⁸⁵ Yogman, 1990.

Взаимозависимые отношения

Исследователь проблем детского сна Джеймс Мак-Кенна (см. главу пятую) часто начинает свои статьи и доклады на конференциях, посвященных режимам сна матери и ребенка, со следующей цитаты авторства доктора Д. Винникотта, педиатра: «Не существует “просто младенцев”; младенец всегда существует в паре с кем-то». Данное утверждение исключительно удачно выражает то, что открывают для себя ученые типа доктора Мак-Кенны, изучающие человеческих детей: физиология ребенка не является вещью в себе, но теснейшим образом связана с физиологией заботящихся о нем взрослых. Характер этой связи часто описывают термином «подстраивание». Подстраивание – это такого рода система обратной биологической связи между двумя организмами, при которой режим и поведение одного влияет на другого. В данном контексте подстраивание означает, что физиология двух людей настолько взаимосвязана, что в плане биологии один всегда все повторяет за другим, и наоборот.

В случае малышей и их родителей подстраивание начинается с раннего возраста. Прежде всего это связь физическая. Ученые много изучали последствия разлучения матери с младенцем и его физиологическую реакцию на это разлучение на примере обезьян. Например, в одном эксперименте ученые забрали у матерей трех- и четырехмесячных обезьянок-резусов и саймири, а через полчаса вернули обратно. Разлученные с мамами обезьянки немедленно начинали взволнованно кричать, и по мере возбуждения их гормональная картина менялась: уровень кортизола, гормона стресса, резко подскакивал. Любопытно, что, даже проходя через эту процедуру по двадцать раз и приучившись, что в итоге мама всегда возвращается, младенцы так никогда и не адаптировались к этому обстоятельству; с точки зрения их физиологии, разлучение в 20-й раз было столь же травматично, как и в первый⁸⁶. Исследования преждевременно рожденных детей и того, как лучше их выхаживать, показали, что для младенцев нахождение рядом со взрослым и телесный контакт являются неотъемлемым условием здорового развития. В одном исследовании малышам по четыре раза в день делали 15-минутный массаж тела и головы с поглаживанием. Младенцы становились спокойнее, их кожные покровы приобретали здоровый оттенок, и сами они спали лучше, чем контрольная группа других недоношенных малышей. А к четырем месяцам младенцы, получавшие эту процедуру, намного обгоняли последних по части развития нервной системы, психики и рефлексов⁸⁷. В еще одном исследовании, проведенном по той же схеме, недоношенные младенцы, получавшие физическую стимуляцию, потребляли больше смеси и набирали вес быстрее, чем дети, получавшие стандартный уход⁸⁸.

⁸⁶ Coe et al., 1985.

⁸⁷ Rice, 1977.

⁸⁸ White and Labarba, 1976.

Взаимозависимые отношения между взрослыми и маленькими детьми поддерживаются с помощью различных сигналов и реакций, которые координируются их участниками на уровне врожденных инстинктов (фото Д. Хэтч)

Связь с родителем также носит визуальный и слуховой характер. Новорожденные узнают голос матери и предпочитают его голосам других взрослых⁸⁹. В одном исследовании новорожденных в возрасте менее одного дня помещали в пластиковое сиденье и давали искусственный сосок, подключенный к проигрывателю, а на голову надевали наушники. Если малыш сосал сосок достаточно долго, в наушниках начинал звучать голос его мамы, читающей сказку; если же он сосал совсем немного, вместо нее сказку читала другая женщина. Младенцы быстро соображали, как работает эта система, и научались вызывать голос мамы, а не посторонней женщины, и старались слушать его подольше. Делали они это, несмотря на то что их держали в палате для грудничков и со своими матерями они к тому моменту успели провести очень немного времени⁹⁰. Ученые обнаружили, что, говоря с младенцами, все родители выражают одобрение, внимание, сочувствие и тому подобное сходными интонациями⁹¹. А сами младенцы с первых дней жизни синхронизируют свои движения с речью взрослых; насколько можно судить, они принимают координировать движения своих ручек и ножек и шевелят ими с той же скоростью и в том же ритме, что и речь того, кто с ними говорит⁹². Даже не видя человека, они начинают синхронизировать свои движения, стоит им услышать его голос, – и родители, сами того не замечая, начинают им подыгрывать, принимаясь говорить тоненьким голосом нараспев⁹³. Можно предположить, что и то, как родители говорят со своими малышами, и соответствующая этому отзывчивость и реакция самих младенцев на человеческую речь являются адаптационными механизмами, способствующими последующему освоению речи. Младенцы, а затем уже и дети явно запрограммированы на то, чтобы впитывать интонационный рисунок

⁸⁹ Mehler et al., 1990.

⁹⁰ DeCasper and Fifer, 1980.

⁹¹ Fernald, 1992; Fernald, 1992; Kuhl et al., 1997.

⁹² Condon and Sander, 1974.

⁹³ Fernald, 1992.

речи и общую структуру языка; то, что новорожденные подражают речи взрослых, – всего лишь признак того, что они предрасположены – то есть эволюционно приспособлены – внимательно слушать взрослых⁹⁴. Однако еще важнее то, что подобное лингвистическое танго – это явное свидетельство подстройки. Каким бы ни был язык, какой бы ни была культура, родители по всему миру подражают детскому лепету одинаково, потому что все они эволюционно приспособлены вступать со своими малышами в речевое взаимодействие, а все младенцы готовы их слушать.

Хотя человеческие младенцы рождаются зрячими, они еще не умеют хорошо фокусировать взгляд, а принятая у нас на Западе в роддомах практика закапывать новорожденным в глазки нитрат серебра еще какое-то время не дает им видеть как следует. И тем не менее младенцы быстро узнают очертания человеческого лица, когда глаза, нос и рот расположены на своих местах, и предпочитают его портретам в стиле Пабло Пикассо. Внимание в прямом смысле только что родившегося младенца уже можно привлечь схематичным черно-белым изображением лица, но если это изображение исказить, младенец быстро переключится на что-нибудь другое⁹⁵. Начиная чуть ли не с трехнедельного возраста дети уже могут отличать людей от предметов и больше интересуются людьми⁹⁶. Родители поощряют это, намеренно «строая лица» и играя голосом, чтобы удержать внимание малыша.

Но в таком общении есть нечто большее, чем просто кривляние. Когда взрослые общаются с младенцами, они играют роли партнеров в сложном социальном танце-взаимодействии, где каждый направляет другого и который является для младенца жизненно необходимым условием для развития его психики и навыков общения⁹⁷. Знаменитый педиатр Томас Бразелтон в своей практике заметил, что мамы и малыши, как кажется, строят свою игру по одной и той же схеме, как музыкальное произведение, где активность исполнителя каждой партии то возрастает, то спадает и каждый своими действиями руководит партией другого. В лабораторном эксперименте младенцам сначала давали плюшевую обезьянку на резинке, а затем, убрав игрушку, просили мам поиграть со своим малышом. С мягкой игрушкой дети играли не так, как со своими мамами. С обезьянкой они фокусировались на игрушке, тянулись к ней, но вскоре им становилось скучно, они отворачивались и больше обезьянкой не интересовались. С мамой они тянулись к ее лицу, были возбуждены и полны внимания, а затем их внимание постепенно рассеивалось. Все матери, насколько можно было судить, чутко отзывались на циклическое чередование периодов внимательности и рассеянности и реагировали на спад активности, предоставляя малыша самому себе; затем все начиналась снова. В экспериментах, где женщинам было сказано не реагировать на жесты младенцев, те раз за разом пытались привлечь внимание мам, суча ручками и ножками и заглядывая им в лицо. Когда женщины не реагировали и не отвечали на приглашение вступить в общение – взглянуть друг на друга и уделить друг другу внимание, – ребенок сдавался, делал несчастный вид и начинал совершать самоутешающие действия типа сосания пальчика (см. также главу пятую)⁹⁸. Как отмечает доктор Бразелтон, с предметом цель ребенка – исследовать и узнать объект, а с человеком – привлечь его внимание. Так что младенцы с удовольствием играют в общение со взрослыми не ради какой-то конкретной цели, а просто чтобы поруководить друг другом. И это совершенно ожидаемо, ведь эволюционная приспособленность научила младенцев нашего вида двум вещам: как манипулировать объектами (пользоваться инструментами) и как взаимодействовать с другими членами социума. Эксперт по вопросам детского развития Эдвард Троник отмечал, что

⁹⁴ Pinker, 1994.

⁹⁵ Brazelton, 1969.

⁹⁶ Brazelton et al., 1974.

⁹⁷ Tronick, 1980.

⁹⁸ Brazelton et al., 1975; Tronick et al., 1978; Cohn and Tronick, 1983.

самым главным адаптационным достижением человека является его коммуникативная компетенция и что одним из самых мощных, в высшей степени адаптационных и необходимых младенцу навыков является способность к социальному взаимодействию со взрослыми⁹⁹.

Примечательно, что лабораторные опыты показали: связь между младенцами и их родителями глубоко физиологична. В одном исследовании, изучавшем, как младенец реагирует на маму, папу и незнакомых людей, новорожденную девочку отгородили занавеской от всех прочих раздражителей, а затем подводили к ней маму, папу, а затем незнакомого человека. Установленные на груди ребенка и взрослых кардиодатчики показали, что, когда к девочке приближались ее мама или папа, ритм ее сердцебиения подстраивался под них, но не под сердцебиение постороннего человека¹⁰⁰. Эти данные дают основание полагать, что дети и заботящиеся о них взрослые находятся во взаимозависимых гомеостатических отношениях, где ребенок подстраивается, чтобы быть со взрослыми «на одной волне».

Короче говоря, взаимодействие младенцев и тех, кто за ними ухаживает, построено на синхронии. И наблюдая за младенцами и их родителями в течение многих десятилетий, доктор Бразелтон убедился, что эта синхрония чрезвычайно важна для развития младенца: «Мы уверены, что “правильное” взаимодействие матери и младенца требует, чтобы оно было синхронизировано с самого раннего возраста, и что еще в период внутриутробного развития младенца траектории их совместного движения закладываются в ожидании подстраивания – особенно со стороны матери – сразу же после рождения»¹⁰¹. Доктор Бразелтон убежден в исключительной важности этой синхронии. Он предполагает, что во многих случаях недобора веса у младенцев и их матерей попросту не включились схемы совместного взаимодействия; как следствие, мать и дитя не смогли настроиться на общую волну и у них не произошло подстраивания. Для ребенка отсутствие синхронии с матерью является, как называет это Бразелтон, «нарушением ожиданий», когда приглашение к общению остается без ответа. Подобная рассинхронизация может возникнуть вследствие того, что, хотя у обоих действующих лиц навык синхроничности и заложен в их эволюционной природе, схемы взаимодействия при этом не являются жестко заданными, запрограммированными, и допускают значительную вариативность в том, как родители играют и реагируют на своих младенцев. Иногда система просто не срабатывает. К тому же надо учитывать, что люди – живые существа, наделенные сложными эмоциями; некоторые родители сознательно выбирают почти не общаться со своими детьми – отказываются вступать в синхронные отношения или попросту игнорируют подаваемые малышом сигналы. Но у этого есть и свой плюс: наличие в системе свободы для маневра позволяет небологическим родителям – приемным матерям, отцам и мужчинам, которые не проходят через роды, – по собственному решению брать на себя роль в отношениях «родитель – ребенок»¹⁰². Иными словами, синхронии, или заботе о младенцах, можно обучить или научиться либо же она может спонтанно возникать у тех, кто биологически предрасположен или сознательно хочет заботиться о детях.

Вне зависимости от того, явилось ли это результатом сознательного выбора или спонтанного побуждения, между младенцем и ухаживающим за ним взрослым все-таки существует некоторая доля синхронии, некая доля взаимопонимания, доступная и тому и другому. С точки зрения эволюции наличие в системе механизма подстраивания младенца и взрослого друг к другу представляется логичным. Учитывая зависимость младенца и искреннее желание матери (которая, как правило, за ним и ухаживает) обеспечить его здоровье, они оба приспособлены

⁹⁹ Tronick, 1980.

¹⁰⁰ Yogman et al., 1983.

¹⁰¹ Brazelton et al., 1975, p. 148.

¹⁰² Насчет отцов см. Greenberg and Morris, 1974.

для поддержания синхронии. Отцы также играют роль в этом подстраивании, и младенцы ориентированы и на них тоже.

Подстраивание объясняет и то, почему младенцы плачут, если их оставить одних. Они реагируют на неожиданную ситуацию – собственное одиночество. Ведь по сути они – детеныши приматов, и эволюция приучила их искать подстраивания, физической и эмоциональной привязанности, связи с более взрослой особью своего вида. Их плач – это плач удивления, смущения, подсознательной уверенности в том, что что-то не так. Бразелтон считает, что у младенцев заложены врожденные, предсказуемые реакции на соответствующие положительные действия родителей – если малыша взять на руки или покормить, он перестает плакать. Точно так же у них заложены и негативные реакции на негативные, несоответствующие или чрезмерные стимулы¹⁰³. Способность руководить своим миром с помощью сна, плача или спокойного внимания – мощнейший инструмент в распоряжении младенца, утверждает Бразелтон, и мы должны уважать эту способность и реагировать на нее.

Все, что мы знаем, указывает нам, что эволюция задумала детей приматов так, чтобы они физически привязывались к кому-то, кто будет кормить, защищать и ухаживать за ними, учить их, как вырасти человеком, – и миллионы лет естественного отбора приучили их не соглашаться на меньшее.

В норме родители и младенцы находятся во взаимозависимых двусторонних отношениях, эволюционировавших с целью удовлетворения интересов обоих. Младенцы нуждаются в родителях, чтобы расти и выживать, а родители нуждаются в младенцах, чтобы, в самом прямом смысле, передать дальше свои гены. И все-таки во многих культурах встречаются обычаи, которые, казалось бы, направлены на то, чтобы прерывать или разрывать эту связь. Например, женщины, кормящие грудью, свидетельствуют, что им хочется общаться со своими малышами и что они более отзывчиво реагируют на их проявления, чем те, кто кормят младенцев из бутылочки¹⁰⁴. Но при этом в западной культуре и по всему миру поощряется искусственное вскармливание. Отцы, участвовавшие в рождении своих детей, постоянно говорят о том, что ощущают сильную привязанность к новорожденному¹⁰⁵. Но при этом в западной культуре большинство мужчин по-прежнему устраниваются из процесса рождения и воспитания детей. Родители однозначно предрасположены реагировать на жесты своих малышей, и сразу после рождения между ними происходит некое подстраивание, которое, вероятно, закладывает будущие модели поведения и речи. Но при этом женщины по-прежнему рожают под действием медикаментозных препаратов, которые не дают им отзываться на сигналы малыша, а самих младенцев оставляют одних плакать в ожидании необходимого им телесного контакта с мамой. Почему культура настолько вмешивается в естественный процесс? Почему мы не заботимся о детях тем наиболее естественным способом, который задумала для нас природа? В следующей главе я попытаюсь объяснить, как и почему культура регулирует один из наиболее фундаментальных типов связи между людьми – отношения привязанности родителей и детей. Вкратце – к младенцам мы относимся так же, как к самим себе, и поэтому в том, как мы ухаживаем за детьми и воспитываем их, мы настолько же подчинены культуре, как и в том, как мы одеваемся, что едим и как отдыхаем.

¹⁰³ Brazelton, 1982.

¹⁰⁴ Wisenfeld, Malatesta et al., 1985.

¹⁰⁵ Greenberg and Morris, 1974.

Глава 2

Антропология воспитания

Любая молодая мать или отец знает, что ничто не порождает такого обилия советов, как появление в доме ребенка. Другие родители, бабушка, соседка, незнакомка на улице, семейный врач и масса книг по уходу за ребенком всегда готовы проинструктировать вас, как нужно «правильно» заботиться о младенце. Однако большинство родителей не знают, что эти разнообразные советы и даже общепринятые «правила» воспитания, которые кажутся такими неоспоримыми, по большей части основываются на смеси традиций, модных поветрий и народной мудрости и разбавлены лишь малой толикой научных знаний. На самом деле мало кто когда-либо занимался изучением вопроса о том, действительно ли правила, принятые в одном обществе, помогают добиться лучших результатов в превращении детей в социально адаптированных и счастливых взрослых, чем традиции другого общества. Если родители разговаривают со своим малышом, научится ли он говорить раньше? Никто не знает. Если вы спите со своим ребенком, станет ли он из-за этого эмоционально зависимым? Кто знает. Тем не менее общества устанавливают «правила» выбора методов воспитания, которые предполагают существование правильного и неправильного типа родительского поведения. При этом советы, касающиеся вопросов воспитания, преподносятся в настолько угрожающей форме – совершите ошибку, и ваш ребенок может вырасти социально неадаптированным, не оченьмышленным, неприспособленным к жизни или того хуже, – что родители часто следуют этим правилам или принимают советы, даже не задумываясь о других, альтернативных путях, существование которых не менее правомерно. Кроме того, любое общество подвержено изменениям, а это означает, что вместе с ними смешаются в ту или иную сторону, развиваются и меняются даже незыблемые правила родительского поведения.

Теории родительского поведения

Многие годы ученые пытаются понять, как на самом деле устроены отношения между родителями и детьми. И до сих пор никто из них не может дать на это уверенный ответ. Они знают, что советы в сфере воспитания определяются социальным, культурным и научным контекстом так же, как и все остальное, что люди делают и говорят. Кроме того, специалисты, занимающиеся исследованиями в этой области, сходятся во мнении, что подход к воспитанию оказывает влияние на физическое и психическое развитие ребенка. Однако по сей день никто точно не знает, как осуществляется это влияние. Наши дети действуют как «психологическая и интеллектуальная губка» – они смотрят и слушают и растут на основании того, что узнают в ходе этого процесса. Но почему одно событие или взаимодействие оказывает на них большее влияние, чем другое? И в какой степени те нити, которые связывают детей с родителями, родственниками и культурой, влияют на то, каким становится человек? Кто определяет это в большей степени? Мама? Братья и сестры? Папа? Телевидение? Культура в целом? Или все это не так уж важно, так как большая часть личностных качеств человека запрограммирована на генетическом уровне?

Культура и личность

На рубеже веков западные ученые предполагали, что по всему миру люди действуют в основном одинаково. Они считали, что присущее людям единообразие мыслей и действий, желаний и мотиваций можно объяснить тем, что все мы – представители одного вида, формирование которых происходит под действием похожих психологических механизмов¹⁰⁶. В основе этих предположений лежали главным образом психологические теории Зигмунда Фрейда, который видел общие закономерности во внутренней мыслительной деятельности у своих пациентов. Антропологи первыми среди ученых обратились с целью подтверждения правильности этой концепции к культурам, не относящимся к западной. Они предполагали, что, наблюдая за людьми в процессе решения ими повседневных задач и опрашивая их о «нормальном» поведении, принятом в их культуре, смогут поместить поведение и мышление в рамки некой логически обоснованной психологической модели, которая переключается с психологией представителей западного мира. Таким образом, в соответствии с этими исследованиями считалось, что культура оказывает незначительное влияние на глубинную мотивацию людей и что по своей внутренней сути все люди очень похожи.

Только в 1920-х годах, в период расцвета экспедиционных антропологических исследований различных незападных культур, проводившихся по всему миру, ученые начали осознавать то огромное влияние, которое оказывает культура на образ мыслей и душу человека¹⁰⁷. Начиная с этого времени они поняли, что люди не обязательно похожи друг на друга, что не всеми ими управляют одинаковые психологические стремления и что совершенно разные культуры могут формировать совершенно разных людей. Эта точка зрения также предполагает, что все культуры обладают одинаковой ценностью – в конечном счете деревню охотников и собирателей начали рассматривать как не менее интересное, сложное и комплексное явление, чем промышленный город¹⁰⁸. Еще важнее то, что на протяжении тех лет, когда происходило формирование новой дисциплины, антропологи активно содействовали развитию идеи, что культура,

¹⁰⁶ Harkness and Super, 1996.

¹⁰⁷ Bohannan and Glazer, 1973.

¹⁰⁸ Данная концепция под названием «культурный релятивизм» представляет собой раннюю версию современной идеи мультикультурализма.

какой бы она ни была, не является пассивным инструментом, а выступает в роли густой завесы, которая «приглушает» то, что определено природой¹⁰⁹. Социологи того времени считали, что именно этот культурный «покров» определяет наше отличие от других животных; непохожими на других животных людей делает обладание созданной ими культурой, выступающей в качестве средства взаимодействия с миром природы¹¹⁰. И именно в такой атмосфере – в условиях принятия идеи культурного формирования человеческой природы, – было положено начало проведению первых исследований детей и взрослых в разных культурах.

В 1920-е годы решающую роль в отходе антропологии от ориентации на индивидуальную психологию в сторону изучения роли культуры в формировании личности сыграли антропологи Маргарет Мид и Рут Бенедикт. Они стали основателями научной школы под названием «Культура и личность», которая имела – и по-прежнему имеет – самое непосредственное отношение к изучению методов воспитания в разных культурах. Сегодня концепция, предложенная Мид и Бенедикт, представляется совершенно очевидной, однако в те дни мысль, что культура может формировать личностные качества человека, была достаточно радикальной. Маргарет Мид входила в число первых ученых, покинувших кабинеты и занявшихся полевыми исследованиями. И хотя сегодня некоторые коллеги критикуют ее работу, в особенности используемую ею методологию, никто не может отрицать, что она одной из первых смело отправилась в плавание и попыталась лично собрать информацию о том, как живут люди в других землях. Вполне вероятно, что те люди, которых она опрашивала в Самоа, морочили ей голову, когда рассказывали о бесконтрольной сексуальности девушек-подростков, и можно утверждать, что она жила на острове Манус в Новой Гвинее недостаточно долго, чтобы составить ясную картину о детском периоде жизни местных жителей; но в конечном счете именно Маргарет Мид сообщила Западу, что существуют другие, не менее правильные способы воспитания и что эти различающиеся способы оказывают значительное влияние на формирование личности взрослого человека.

После появления первых данных исследований других культур стало очевидно, что люди в различных географических регионах не только ведут себя неодинаково, но и думают по-разному. Рут Бенедикт была известна – а скорее скандально известна – тем, что описывала культуры с точки зрения широких обобщений различающихся личностных типов, используя тем самым подход, который в наши дни считался бы слишком стереотипным, даже «расистским». Тем не менее обе эти женщины первыми указали на то, что культура влияет на человека и что это влияние начинает действовать с момента рождения, так как родители принимают культурно апробированные решения о том, как растить своих детей.

Так, Мид первой показала с помощью результатов полевых исследований нескольких «чужеродных» обществ, что общую структуру любой культуры можно понять на фундаментальном уровне, изучая присущий ей подход к детям¹¹¹. Согласно предположению Мид, повседневные действия родителей – это всего лишь отражение того, что диктует культура, к которой они принадлежат. Таким образом, используемый родителями способ воспитания оказывает серьезное влияние на то, как ведут себя их дети, став взрослыми. Еще важнее на тот момент было то, что эти ученые верили в возможность изменения всего общества за счет изменения подхода к воспитанию детей, и такой оптимистичный взгляд на вещи был, без сомнения, необ-

¹⁰⁹ Культура рассматривалась как «сверхматериальная», то есть стоящая выше инстинкта, а значит, не «животная» (или «физическая»).

¹¹⁰ Возможно, активно выдвигая на первый план роль культуры в формировании личности человека и его поведения, эти антропологи заходили слишком далеко. Они отвергали влияние биологии на поведение человека, и даже сегодня многие культурологи по-прежнему отказываются признать, что у людей есть какая-либо связь с другими приматами или животными. Они считают людей особенными, независимыми от всех животных, потому что мы обладаем культурой.

¹¹¹ Mead, 1930/1975.

ходим в период между Первой и Второй мировыми войнами¹¹². Так, они считали, что агрессию и соперничество можно «отсеивать», а дух сотрудничества усиливать и что менее «правильные» системы родительского контроля могут быть заменены на более «правильные»¹¹³.

Однако самым важным вкладом, который Мид и Бенедикт сделали в исследование воспитания, была идея, что образ действий родителей по отношению к своим детям подкрепляет разнообразные культурные правила, что передача структуры культуры от поколения к поколению происходит главным образом через эти стили воспитания¹¹⁴. Неотъемлемой частью этой модели является мысль, что людям свойственна пластичность поведения; культура и родители могут влиять на то, что мы собой представляем и кем становимся, только благодаря тому, что люди – гибкие существа, которые способны учиться и меняться, а также влиять друг на друга¹¹⁵. Для научной школы «Культура и личность», основателями которой были Мид и Бенедикт, интерес представляло не отличие культур друг от друга, а то, как в каждой культуре родители неосознанно передают правила, структуру и цели конкретного общества своим детям. В результате этого каждый из нас является продуктом своей культуры, а родители выступают в роли «контактеров», через которых мы получаем культурные и социальные послания¹¹⁶.

Школа «Культура и личность» появилась в то время, когда психологи определяли, что могут делать младенцы и что они знают, в лабораторных условиях с помощью тестирования. Это были тесты, позволяющие проверить зрение малышей, их моторные навыки, когнитивные способности, реакции и чуть ли не все остальное, что способен делать ребенок в представлении взрослого. К сожалению, объектами такого тестирования становились только дети белых американцев, принадлежащих к среднему классу, и проверяли их на когнитивные и эмоциональные навыки, присущие этой группе населения. Как отмечал антрополог Роберт Ле Вин, в те времена структура проводимых экспериментов отражала лишь западные представления о развитии ребенка, а также убеждение в том, что дети должны действовать определенными способами и что для достижения этих целей с ними следует обращаться определенным образом; никто не задавался вопросом об универсальной природе их способностей¹¹⁷. Однако исследователи подчеркивали тот факт, что маленькие дети – это организмы, обладающие исключительными способностями и адаптивностью. Они способны общаться, думать и впитывать знания, и ученые уже не воспринимали их как инертных безгласных глупышей, но восхищались тем, что те могут делать. Этот сдвиг в отношении возник в то время, когда западная культура совершала отход от доминирования строгости в воспитании, склоняясь в сторону стиля воспитания, в котором основным предметом озабоченности родителей является эмоциональное здоровье малыша. В некотором смысле западное общество стало относиться к детям более серьезно.

В 1950-х годах положения направления «Культура и личность» были использованы для запуска одного из наиболее амбициозных и интересных проектов в истории культурной антропологии. Группа социологов из Гарварда, Йеля и Корнелла во главе с Джоном и Беатрис

¹¹² Mead, 1930/1975; Mead, 1956.

¹¹³ Эта идея снова вошла в моду, и в ходе изучения приматов уже получен ряд свидетельств того, что так называемые врожденные типы личности могут быть изменены с помощью социального научения. Франс де Валь и его коллеги поместили вместе молодняк макаки-резус, макаки и короткохвостой макаки на пять месяцев. Детеныши короткохвостой макаки были старше детенышей макаки-резус и, соответственно, занимали доминирующее положение. Де Валь предположил, что макаки-резус могут научиться у короткохвостых макак присущим им более миролюбивым способам примирения после агрессивных взаимодействий, что и произошло. «Дружелюбные» детеныши макаки-резус продолжали вести себя так же, как молодняк короткохвостой макаки, даже после того как их отделили от их «образцов для подражания» (de Waal and Johanowicz, 1993). Де Валь считает, что если даже макак-резус можно научить лучшим методам общения, то подобный вид социального обучения может быть с легкостью реализован при воспитании человеческих детей (de Waal, 1996).

¹¹⁴ Benedict, 1938.

¹¹⁵ Mead, 1956.

¹¹⁶ Benedict, 1938; LeVine et al., 1994; Harkness and Super, 1996.

¹¹⁷ LeVine et al., 1994.

Уайтинг совместно разработала план, предполагавший отправку команд антропологов для изучения воспитания детей в шести разных культурах. Для упрощения процесса сравнения полученных данных они предложили исходить из одних и тех же гипотез и строго контролировать используемую учеными методологию. В состав команд входили супружеские пары, что позволяло наблюдать как мужчин, так и женщин, представляющих разные культуры. Участники проекта выбрали широкий спектр культур и стилей существования, чтобы проверить гипотезу об универсальности некоторых моделей поведения и выявить их различия. Так, в число объектов исследования входили одновременно члены племени гусии из Восточной Африки, жившие сельским хозяйством, и представители белого среднего класса, проживающие в районе Бостона. Реализация проекта осуществлялась на базе центральной лаборатории, которой руководила Беатрис Уайтинг и куда направлялись все полевые материалы. Идея заключалась в том, чтобы объединить в одном месте сопоставимые данные, которые собирались исходя из одной и той же концепции, в одно и то же время и с применением одинаковых методов¹¹⁸. Данный проект выходил за рамки тех целей, которые ставили перед собой этнографы прошлого, в одиночку отправлявшиеся в дальние земли в поисках романтической картины жизни за пределами западного мира, и положил начало эпохе строго научных сравнительных исследований.

Теоретический подход к изучению социальной структуры, используемый в рамках «Проекта шести культур», носил экологический и экономический характер. Как любой эколог, приступающий к изучению какой-либо группы животных, участники проекта исходили из предположения, что расселение людей связано с распределением биоресурсов на определенной территории. Согласно этому взгляду, состав домохозяйства – это результат расположения домов, деревень и сообществ, ориентированного на максимально эффективное использование этих ресурсов исходя из определенной модели добычи пропитания. Эти экологически обусловленные слои социальной структуры, в свою очередь, задают параметры воспитания детей. Таким образом, получается, что жизненный уклад определяет структуру домашнего хозяйства, которая порождает стили воспитания, которые, в свою очередь, формируют личность¹¹⁹. Исходя из этого представления планируемые исследования детей должны были открыть двери в мир различных культур (см. главу четвертую). Супруги Уайтинг и их коллеги считали, что любая социальная и политическая структура формирует родителей, которые, в свою очередь, воспитывают детей таким образом, чтобы они становились частью общества, развивая у них типы личности, присущие конкретной культуре. Считалось, что даже в самых сложных проявлениях культуры, таких как церемонии, ритуалы и виды искусства, можно найти следы влияния индивидуальной мотивации, стилей воспитания и глубинной культурной основы. Другими словами, какими бы ни были действия, поведение и культура в отдельности, все они связаны между собой и логичны.

В наши дни подобный подход к разным культурам, как и к своей собственной, по-прежнему применяется для анализа тех способов и стилей, с помощью которых родители воспитывают детей. Так, антропологи используют модели добычи пропитания – то есть способы находить пищу – для объяснения особенностей личности. Может показаться, что еду и личностные качества разделяет достаточно большое расстояние, однако если мы говорим о том, что культура тем или иным образом формирует человека, то неизбежно должны быть связи между нашими действиями с целью выживания на самом фундаментальном уровне и тем, кем мы являемся на самом сложном высоком уровне. Например, для того чтобы быть охотником и собирателем, необходимо обладать такими качествами, как инициативность и настойчивость, а значит, можно ожидать, что в рамках такой системы существования родители будут развивать

¹¹⁸ Whiting, 1963; Whiting and Whiting, 1975.

¹¹⁹ Whiting, 1963.

в своих детях уверенность в себе. А в обществе скотоводов, где владение крупным рогатым скотом служит мерой успеха, родители, возможно, будут воспитывать детей, уделяя больше внимания формированию у них чувства ответственности, а не развитию творческих способностей¹²⁰. Кроме того, по мере перехода различных обществ от одного типа экономики к другому – как это произошло с племенем кунг из Ботсваны, перешедшим от жизни охотников и собирателей к жизни в поселениях, или с теми, кто занимался сельским хозяйством, а затем освоил городской образ жизни, – родители вынуждены формировать у своих детей новые и более уместные культурные навыки. Исследования нескольких сообществ, находящихся в процессе перехода, показывают, что изменения в экономической базе находят свое отражение в стилях воспитания, так как у родителей происходит сдвиг в сторону модели, предполагающей заботу о детях, формирующую иные ценности, необходимые для нового образа жизни¹²¹.

Данный подход предполагает, что действия родителей и их поведение по отношению к своим детям оказывают влияние на их личность и на то, какими личностными качествами они обладают, став взрослыми людьми. Сегодня эта мысль кажется очевидной. Большинство из нас, принадлежащих к западной культуре, настолько глубоко «погружено» в психологическую теорию – как на интеллектуальном уровне в процессе обучения в школе, так и на социальном уровне в рамках популярной культуры, учитывая постоянный рост индустрии психотерапии, – что мы воспринимаем родительское влияние на развивающуюся личность ребенка как нечто само собой разумеющееся. Мы даже возлагаем вину за свое поведение на собственных родителей и часами пытаемся найти связь между психическими свойствами своей личности с тем, что произошло с нами в детстве. Однако это довольно современный и явно западный подход к личности. Так, некоторые считают, что личностные качества не развиваются под внешним влиянием, а присущи нам от природы или что за формирование человека отвечают другие духовные или генетические силы. Тем не менее современные антропологи, которые в большинстве своем получают традиционное западное образование, активно применяют концепции психологии развития и включают их в свою модель родителей и общества.

Специалисты, занимающиеся кросскультурными исследованиями, сегодня, как и во времена супругов Уайтинг в 1950-е годы, подходят к изучению воспитания аналогичным образом. Все согласны с тем, что воспитание является частью более широкой, интегрированной системы поведения, которая преобразуется под влиянием как культуры, так и индивидуальных особенностей личности; говоря иначе, что воспитание связано со всем остальным¹²². Существует предположение, что у родителей также есть основные темы, которые проходят красной нитью через те действия, которые они совершают в процессе общения со своими детьми. Одним словом, у родителей есть осознанная или неосознанная концепция воспитания. Соответственно, внимательно наблюдая за родителями и детьми на протяжении определенного времени, исследователь может выявить и понять эти темы¹²³.

Не существует ни злонамеренного властителя дум, ни «Большого брата», подталкивающего родителей к тому, чтобы индоктринировать своих детей определенным образом. Культурный этос и ценности, одобряемые обществом, передаются от поколения к поколению, потому что они работают: люди неосознанно соглашаются с определенным набором ценностей и передают их, потому что они приносят пользу обществу в экономическом плане и служат отдельным людям на личном и духовном уровне¹²⁴. Более того, этот культурный этос становится практически невидимым; его трудно выявить или выделить, потому что он настолько прочно укре-

¹²⁰ Barry et al., 1959; LeVine et al., 1994.

¹²¹ Draper and Cashdan, 1988.

¹²² LeVine, 1974; Bornstein, 1991.

¹²³ Whiting and Child, 1953; Bornstein, 1991; Harkness and Super, 1996.

¹²⁴ Bornstein, 1991.

нился, переходя от поколения к поколению, что кажется «естественным» или «правильным» и рассматривается как составляющая идентичности человека. Культура воспринимается не как некий покрывающий все туман, который с навязчивым постоянством окутывает людей и семьи, а как кружевная дымка, которая проникает в каждую трещинку в поведении, оказывая тихое, но могущественное влияние на то, что люди делают, и на то, как взрослые обращаются со своими детьми¹²⁵.

Новая ниша

С недавнего времени ученые применяют понятие «ниша развития» к концепции «родитель – ребенок», чтобы подчеркнуть необходимость изучения воспитания с холистического, почти экологического ракурса¹²⁶. Специалисты в области развития ребенка Сара Харкнес и Чарльз Супер дали одно из наиболее точных определений ниши развития, согласно которому она включает в себя физические и социальные условия жизни ребенка, культурные традиции, в соответствии с которыми он воспитывается, и психологию того человека, который о нем заботится и которая, без сомнения, и является тем каналом, через который все зависимые человеческие дети получают представление об окружающем их мире¹²⁷. Одним словом, ниша развития – это описание мира ребенка с существующими в нем пластами, такими как семья, культура, социально-экономический статус, этническая принадлежность и личность.

Для того чтобы понять этот мир лучше всего, нужно взглянуть в зеркало; ниша развития предстает перед нами наиболее четко, когда оно начинает трескаться. Я помню, как впервые поняла, что другие семьи не похожи на мою собственную и что являющееся частью моей ниши развития семейное окружение отличается от того, в котором живут все мои друзья. Мы принадлежали к одному и тому же социально-экономическому слою, исповедовали одну и ту же религию и относились в основном к одной этнической группе. Однако в других семьях жили по незнакомым мне правилам. На ужин мои друзья ели, на мой взгляд, странные блюда, а их матери не работали, что казалось мне очень необычным. В моей семье любили поговорить, и мы всегда подолгу обсуждали то, что произошло со всеми за день. А по вечерам и на выходных мы занимались домашними делами, причем каждый должен был внести в этот процесс свой посильный вклад. Тем не менее домашние заботы никогда не мешали нам всем вместе отправиться на пляж или в кино. Мои родители были очень общительными людьми, и у нас в доме все время устраивались вечеринки. Однако в домах моих друзей обстановка была гораздо менее оживленной. Их матери были дома, когда они возвращались из школы, но у них никогда нельзя было встретить группы взрослых людей, которые шутили и смеялись. У этих детей не было домашних обязанностей, но они никогда не ходили в кино вместе с родителями. Сравнение с моими друзьями стало для меня первым уроком в понимании различий между нишами развития, а также свидетельством существования различных установок в отношении воспитания. Мы все принадлежали к одной и той же культуре, но наше микроокружение было совершенно разным, причем настолько разным, что это формировало различия в наших индивидуальных личностных качествах. Мой дом был наполнен громкими разговорами, а дом моей подруги был спокойным и тихим. У меня были домашние обязанности, которые я выполняла каждую неделю, а у нее их не было. Наши миры, по крайней мере за пределами школы, были совершенно разными, и в результате этого мы по-разному реагировали на ситуации, с которыми нам приходилось сталкиваться вне наших домов, и теперь мы стали взрослыми людьми, совершенно не похожими друг на друга. Различие ниш развития создает трудности, когда два

¹²⁵ Harkness and Super, 1980.

¹²⁶ Harkness and Super, 1980.

¹²⁷ Harkness, 1992; Harkness and Super, 1994.

человека начинают жить вместе и пытаются согласовать различные образы жизни и мышления; каждый считает то, к чему он привык, естественным и логичным, а то, что предлагает кто-то другой, кажется ему смешным, странным и даже глупым.

Различия тех личных ниш, в которых происходило формирование человека, становятся еще более заметными во время путешествий, когда традиции и убеждения настолько не совпадают во всех отношениях, что невозможно не заметить, насколько разнообразными могут быть другие стили жизни, работы и общения. Трудно даже представить, как много существует вариантов жизни и поведения. В последние годы в центре моего внимания было главным образом взаимодействие между взрослыми людьми и детьми в других культурах. В Соединенных Штатах за маленьким ребенком следит преимущественно один человек, как правило, мать, а на острове Бали дети являются частью большой семьи, где каждый должен наблюдать за ползающим малышом. Я заметила, что в Африке младенцы не плачут, что на Бали дети совершенно безнадзорно бегают по улицам, гоняясь за курами, что японские дети проводят значительную часть своего времени в школе, где они обязаны носить форму, – вокруг нас можно найти массу примеров совершенно разных путей формирования людей и культур. Однако мы часто не можем понять, что каждый человек развивается внутри ниши с определенной историей, культурой и причиной быть именно такой, какая она есть, и что все это составляет важную часть нашего характера¹²⁸.

Цели воспитания

Сегодня в свете современных антропологических теорий родители рассматриваются не как пассивные трансляторы культуры, а как активные участники процесса, совершающие выбор той или иной модели воспитания будущего гражданина определенного типа. Специалисты в области развития ребенка часто говорят о «целях воспитания», предполагающих, что родители осознанно или неосознанно ставят перед собой цели, которые влияют на все их действия по отношению к своему потомству¹²⁹. В течение дня родители реализуют их самыми разными способами. Как правило, эти цели носят неосознанный характер, хотя временами родители имеют ясное и четкое представление о том, что делают. Я помню, как много лет назад моя сестра говорила мне, что она не хочет, чтобы кто-то когда-либо говорил «нет» ее детям. Ее четко сформулированная цель воспитания заключалась в том, чтобы вырастить детей, которые будут думать, что все в жизни возможно. Моя сестра считала, что слово «нет» может отбить у них охоту решать какую-либо задачу, а она не хотела, чтобы с ними такое произошло. Если спросить об этом других родителей, то становится очевидным, что у них тоже есть свои планы. Моя подруга Энн очень хочет, чтобы ее сыновья жили в согласии со своими эмоциями, в чем, как ей кажется, американская культура мужчинам отказывает. Она считает, что одна из ее родительских обязанностей заключается в том, чтобы бороться с культурой в этом аспекте воспитания. В результате она все время говорит с сыновьями об эмоциях и чувствах и очень серьезно относится к их плачу и проявлениям беспокойства. Она надеется, что эта цель воспитания будет в конечном счете реализована и что ее дети будут воспринимать эмоциональные проблемы как естественную составляющую жизни мужчины, даже в обществе, где мужчины традиционно должны подавлять свои чувства.

Если говорить об американской культуре в целом, то можно с уверенностью утверждать, что ее главной целью является воспитание независимости. Существование этой коллективной цели было документально подтверждено в ходе ряда исследований с участием родителей, отно-

¹²⁸ Мое любимое описание того, что такое детство и что значит расти, дано Анни Диллард в *An American Childhood*, 1987, Harper and Row.

¹²⁹ LeVine, 1988; Goodnow and Collins, 1990; LeVine, Dixon et al., 1994.

сящихся к белому среднему классу американского общества; независимость постоянно упоминается в опросах как то, что «все» родители хотят видеть в своих детях. Интересно, что родители в других культурах никогда не поднимают эту тему. Желания родителей оказывают влияние даже на те ярлыки, которые они присваивают своим детям. Задавая родителям в трех культурах вопросы о том, что такое ум, Сара Харкнес и Чарлз Супер обнаружили, что представления этих людей о том, что определяет умного ребенка, отличаются друг от друга¹³⁰. В Америке умный ребенок – это тот, кто обладает целеустремленностью и духом состязательности; в Голландии это ребенок, который отличается настойчивостью, решительностью и ясностью понимания цели; а для африканского племени кипсигис самый умный ребенок – это тот, кто обладает чувством ответственности и выполняет свои повседневные обязанности¹³¹. Каждая семья старается создать условия, которые считаются оптимальными для воспитания определенного типа ума, соответствующего конкретной культуре. Американцы используют всевозможные визуальные и вербальные стимулы, чтобы привлечь внимание ребенка и подтолкнуть его к взаимодействию. Мы окружаем кроватку новорожденного черно-белыми символами для развития зрения; мы часами беседуем с ребенком один на один, убежденные в том, что подобное вербальное взаимодействие улучшит его когнитивные способности. Американцы стараются привить своим детям чувство собственного достоинства или честолюбие; честолюбие – это слово, которое не так просто перевести на другие языки, так как эта черта характера не является частью культурной среды других групп – его значение понятно только в обществе, основанном на конкуренции, где успеха добиваются своими силами¹³². Голландцы, напротив, считают, что умственному развитию способствуют упорядоченность, отдых и чистоплотность. Причем они настолько в этом уверены, что, когда у малышей бывают вспышки раздражения, как это происходит с детьми во всем мире, родители предполагают, что причиной происшедшего стало какое-либо нарушение режима дня ребенка. А родители из племени кипсигис нагружают своих детей домашней работой. Начиная с двух лет детям кипсигис дают домашние поручения, тогда как в Америке детей такого возраста считают малышами, которые только начинают ходить. К шести годам эти дети, как правило, проводят половину времени, работая на благо семьи¹³³. Люди, относящиеся к каждой из этих культур, не смогли бы воспитывать детей по-другому. Представьте себе американского ребенка, который в возрасте двух лет занимается работой по дому, почти не имея времени на игры. При виде такого мы бы сразу же начали сетовать о потерянном детстве, том беззаботном времени, которое предназначено для изучения окружающего мира и развития. Точно так же мать из племени кипсигис пришла бы в ужас при виде безответственного, ленивого ребенка, который не занимается ничем, кроме игр. Как такой ребенок, по ее мнению, может вырасти хоть с какими-либо мозгами? Дело в том, что все мы сходимся во мнении по поводу того, что такое ум в широком смысле этого слова, и все мы согласны с тем, что быть умным лучше, чем глупым, однако каждая культура выделяет и ценит различные аспекты ума.

Цели воспитания преобразуются или переносятся в повседневные дела, незаметно проникают в обыденные действия; они становятся тайными подсознательными мотиваторами, которые делают нас такими, какие мы есть. Как бы родители ни разговаривали со своими детьми, какие бы дисциплинарные методы воздействия ни использовали, как бы ни походили к вопросам воспитания, совершаемые ими действия имеют планомерную связь с тем, как они видят свою роль в качестве родителей. Это может быть простой выбор между различными вариантами действий в том случае, когда ребенок делает что-то неправильно. Одна мать может

¹³⁰ Harkness and Super, 1992.

¹³¹ Harkness and Super, 1992.

¹³² Harkness and Super, 1992.

¹³³ Harkness and Super, 1992.

просто не обратить на это внимание, другая может сказать решительное «нет», а третья попытается отвлечь ребенка. Во всех этих типах реакций содержится своя подразумеваемая цель, пассивная или интерактивная. Антрополог Роберт Ле Вин считает, что эти цели имеют весьма отдаленное отношение к непосредственной ситуации, в которой находится ребенок, а в большей степени связаны со всей социальной системой и ее институциональными целями – особенно в том, что касается различных областей межличностных отношений, уровня ожидаемых личных достижений, а также степени и характера социального единства, которые поощряются в данном конкретном обществе¹³⁴. Ле Вин делит современную культуру на два типа – аграрную и промышленно-городскую. В обществах обоих типов родители хотят разных вещей *от* своих детей и разных вещей – *для* них. В аграрных обществах, которые по-прежнему живут за счет обработки земли или выращивания животных, дети нужны родителям в качестве неквалифицированной рабочей силы, чтобы они могли помогать в поддержании экономики семьи, работая на полях или с домашним скотом, и содержали родителей в старости; родители хотят чего-то *для* своих детей, но многого ждут *от* них самих. В промышленно-городских обществах, по мнению Ле Вина, родителям нужно *от* детей не очень много, потому что экономическая система устроена так, что дети играют второстепенную роль, но при этом они многого хотят *для* своего потомства¹³⁵. Так же как сложенные определенным образом кости домино, которые после толчка начинают рассыпаться в двух разных направлениях, эти две системы распадаются на два отличающихся друг от друга стиля воспитания. В аграрных обществах дети обходятся не очень дорого, потому что им почти ничего не могут дать, однако родители сталкиваются с высокой детской смертностью, связанной с низким уровнем экономической базы, в сравнении с развитыми обществами. Для представителей этих культур воспитание на ранних этапах развития – это вопрос борьбы с рисками, так как здесь смертность среди детей в первые годы жизни составляет 50 %. Поэтому родители уделяют главное внимание защите малышей, для чего носят их все время с собой и кормят по первому требованию. В то же время их мало беспокоят индивидуальные успехи ребенка в будущем. После того как ребенок по возрасту покидает опасную зону детской смертности, на него возлагается обязанность вносить свой вклад в жизнеобеспечение семьи. В промышленно-городском обществе, где уровень медицинского обслуживания и санитарные условия обеспечивают младенцам реальную возможность выживания, цели воспитания ориентированы на будущее ребенка, поэтому значительную часть своих сил и времени родители вкладывают в то, каким он станет. Главная проблема заключается не столько в выживании, сколько в ментальной и социальной стимуляции, которая, по мнению родителей, обеспечивает будущие успехи ребенка или их отсутствие при его вступлении во взрослую жизнь.

Во многих отношениях подробные описания стилей воспитания отражают эти две общие тенденции. Так, во время исследования матерей народности майя, живущих на острове Юкатан, ученые выяснили, что они держат детей в гамаках в темных укромных углах дома. Там нет ни игрушек, ни специальных принадлежностей для малышей¹³⁶. Матери майя считают, что несут ответственность не за развитие или формирование личности ребенка или его умственных способностей, а за то, чтобы он находился в безопасности, испытывая чувство покоя и комфорта. Информация о том, что американские матери оставляют своих детей спать в одиночестве в отдельной комнате, вызывает у них шок¹³⁷.

¹³⁴ LeVine, 1974; LeVine, 1988.

¹³⁵ LeVine, 1988.

¹³⁶ Howrigan, 1988.

¹³⁷ Harkness, 1992.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.